

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2012

1

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2012

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2012
№ 1

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2012.
124 с.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением редсовета
и редколлегии

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор БФУ им. И. Канта (Россия, Калининград) — председатель;
М. Е. Швыдкой, д-р искусствоведения, профессор, зав. кафедрой государственного управления в сфере культуры факультета госуправления МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва) — сопредседатель;
Ф. Апанович, д-р филол. наук, профессор, проректор филологического факультета Гданьского университета (Польша, Гданьск); *М. Н. Громов*, д-р филос. наук, профессор, зав. сектором истории русской философии РАН, проректор Государственной академии славянской культуры (Россия, Москва); *Данилевский И. Н.*, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Россия, Москва); *Л. А. Кудрявцева*, д-р филол. наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член Президиума МАПРЯЛ (Украина, Киев);
Г. Кундротас, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Литовского эдукологического университета (Литва, Вильнюс);
Б. Н. Тарасов, д-р филол. наук, профессор, ректор Литературного института им. А. М. Горького (Россия, Москва); *Б. Ханзен*, д-р филол. наук, профессор, директор Института славистики Регенсбургского университета (Германия, Регенсбург)

Редакционная коллегия

В. И. Грешных, д-р филол. наук, профессор — главный редактор
Т. В. Цвигун, канд. филол. наук, доцент — зам. главного редактора
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, профессор
А. И. Васкиневич, канд. филол. наук, доцент
В. И. Гальцов, канд. ист. наук, доцент
Н. П. Жилина, д-р филол. наук, профессор
В. И. Повилайтис, канд. филос. наук, доцент
В. А. Смирнов, директор Института балтийских исследований БФУ им. И. Канта
А. Н. Черняков, канд. филол. наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО: ЛАТВИЙСКИЙ ДИСКУРС

<i>Сытин А.</i> Референдум о статусе русского языка как проявление кризиса латвийской государственности.....	7
<i>Кажока И.</i> Латвия после референдума о втором государственном языке: что дальше?.....	14
<i>Мамыкин А.</i> Бизнес на кириллице. К истории формирования и становления постсоветской прессы Латвии на русском языке.....	25
<i>Крук С.</i> Критика концепции интеграции латвийского общества.....	32

ЗНАКИ ИСТОРИИ

<i>Петров Е. С. А. Корф</i> – последний и. о. генерал-губернатора Великого княжества Финляндского	53
---	----

СЛОВЕСНОСТЬ

К 175-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Материалы дискуссии.....	61
<i>Лепяхин В.</i> Непушкинские пути современной политической истории ..	62
<i>Мальчукова Т.</i> Возвращаясь к С. Л. Франку... ..	71
<i>Тарасов Ф.</i> Гений и политика.....	75
<i>Захарова В.</i> Государственное мышление А. С. Пушкина в восприятии С. Л. Франка	80
<i>Т. Кошемчук.</i> О статье С. Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель»	85
<i>Никишов Ю.</i> За методологию, подобную радуге.....	90
<i>Кибальник С. С. Л. Франк</i> и его статья «Пушкин как политический мыслитель»	96

РУССКИЕ В ЕВРОПЕ: ПУТЕШЕСТВИЯ

<i>Костяшов Ю.</i> Восточная Пруссия из окна вагона курьерского поезда	103
---	-----

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Кузнецова И.</i> Память сердца.....	117
<i>Summary</i>	120
<i>Об авторах</i>	121

CONTENTS

SOCIETY: A LATVIAN TAKE

<i>Sytin A.</i> Russian Language Referendum as a Crisis of Latvian Statehood.....	7
<i>Kazhoka I.</i> Latvia After the Referendum: What Comes Next?	14
<i>Mamykin A.</i> Cyrillic Business (the development of Russian language media in post-soviet Latvia)	25
<i>Kruk S.</i> A Critique of Latvian Integration	32

THE SIGNS OF HISTORY

<i>Petrov E.</i> Serge Korff, the Last Acting Governor-General of the Great Duchery of Finland.....	53
---	----

THE ART OF LETTERS

Remembering Pushkin: a Discussion Dedicated to the 175-Anniversaty of the Poet's Tragic Death.....	61
<i>Lepakhin V.</i> Non-Pushkin Ways of Modern Political History.....	62
<i>Malchukova T.</i> Re-reading Frank.....	71
<i>Tarasov F.</i> Genius and Politics.....	75
<i>Zakharova V.</i> State Thinking of Alexander Pushkin, According to Semyon Frank	80
<i>Koshemchuk T.</i> On Semyon Frank's Article, <i>Pushkin as a Political Thinker</i>	85
<i>Nikishov Yu.</i> A Case for Rainbow Methodology	90
<i>Kibalnik S.</i> Semyon Frank and his <i>Pushkin as a Political Thinker</i>	96

RUSSIANS TRAVELING IN EUROPE

<i>Kostyashov Yu.</i> Watching Eastern Russia from a Train.....	103
---	-----

REVIEWS

<i>Kuznetsova I.</i> The Memory of Heart.....	117
<i>Summary</i>	120
<i>About authors</i>	121

**ОБЩЕСТВО:
ЛАТВИЙСКИЙ
ДИСКУРС**

Экс-президент В. Затлерс заметил, что за два десятилетия латвийскому обществу так и не удалось достичь сплоченности, взаимопонимания и солидарности.

А. Сытин

...по мере психологического «притирания», сближения национальных общин в Латвии сформируется сплоченное гражданское общество. Как только будет найден компромисс в решении вопроса о правах неграждан и представители хотя бы одной партии, за которую голосуют русскоговорящие, войдут в состав правительства, пропадет почва для межэтнического конфликта.

И. Кажока

В конце 1980-х годов... нелатышские издания, а именно русская «Советская молодежь», первой облекли в слово идею независимости Латвии. <...> Именно эта газета взорвала общественное сознание республики и всего Союза, отправив экспедицию к М-скому треугольнику...

Я. Мамыкин

Концепция интеграции актуализирует этнически маркированные различия, пренебрегая общими ценностными ориентациями. Пожалуй, это стало причиной того, что вопреки замыслам Программы интеграции на практике предпочтение отдавалось административным методам и юридическим ограничениям, а не развитию системы обучения языку.

С. Крук

Александр Сытин
(Москва)

РЕФЕРЕНДУМ О СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ЛАТВИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В начале осени 2011 года эксперты РИСИ, анализируя обстановку в ходе внеочередной избирательной кампании по выборам в латвийский сейм XI созыва, указывали на неизбежность роста в республике националистических настроений и межнациональных противоречий, что чревато открытым политическим противостоянием титульной и русскоязычной общин Латвии. Ситуация последнего полугодия отчетливо показала, сколько опасно любое нарушение политической стабильности в кризисных экономических условиях. В прошедшем году экономика страны продемонстрировала первые признаки оживления после тяжелейшего спада 2009—2010 годов. Однако позитивные перемены лишь только наметились и не отразились на материальном положении большинства населения, уставшего от безденежья, безработицы, отсутствия внятной перспективы и возможности обслуживать сделанные в эпоху процветания займы всех уровней (от кредитов домовладений до государственного долга).

В стране, где уже 20 лет существует межнациональное и межобщинное противостояние титульной и русскоязычной части населения, сочетание экономических трудностей и политической дестабилизации приобрело вид конфликта на национальной основе, выразив-

шегося в форме референдума по статусу русского языка. Референдум касался поправок к 4, 18, 21, 101 и 104-й статьям Конституции. Если бы инициаторы референдума победили, русский язык приобрел бы статус второго государственного. Для достижения успеха за поправки должны были проголосовать 771 893 гражданина Латвии — половина имеющих право голоса при выборах в XI сейм (1 543 786 человек).

Результаты оказались предсказуемыми: русский язык не изменил своего положения и остался иностранным. «За» предоставление ему статуса второго государственного проголосовали 25 %, «против» — 75 % принявших участие в опросе. Явка составила чуть менее 70 %. В Риге и Даугавпилсе большинство «за» русский язык, эксперты говорят о возможности предоставления ему регионального статуса [1], однако с учетом столичного положения Риги такое решение представляется маловероятным.

Сбор подписей за референдум был организован в марте 2011 года обществом «За родной язык», основанным 22 февраля 2011 года и возглавляемым В. Линдерманом (Движение 13-е января), Е. Осиповым (Партия Осипова), экономистом А. Гапоненко и Э. Сватковым (Единая Латвия). Их инициативу поддержала партия ЗаПЧЕЛ. Объединение «Центр согласия» инициативу не поддержало. Референдум был задуман как протестная акция и ответный шаг на сбор подписей националистическим блоком «Всё — Латвии!»/ТВ/LNNK за организацию референдума по полному переводу всех публичных школ национальных меньшинств на латышский язык обучения. Сбор подписей тогда провалился: собрали 120 433 голоса при 153 232 минимально необходимых [Там же]. Вопрос затрагивал интересы всех детей нелатышской национальности, которым грозило снижение уровня и объема знаний, а в конечном счете — ассимиляция. Активисты общества «За родной язык» провозгласили: «В этой ситуации нет другого способа защиты, кроме нападения!» При этом организаторы подчеркнули, что в отличие от инициативы «Всё — Латвии» референдум направлен за русский язык как второй государственный и ни в коем случае *не против* латышского, так как не меняет статус последнего как государственного языка, закрепленного Конституцией. Организаторам референдума удалось собрать 187 тысяч подписей в свою поддержку, 9 февраля 2012 года для предварительного ознакомления с вопросами и условиями проведения референдума были открыты избирательные участки.

Для правящей элиты и националистов это послужило поводом для консолидации и роста активности. Только что в процессе формирования правительства оттеснив в оппозицию партию «Центр согласия», получившую на выборах более трети голосов и пользующуюся устой-

чивой репутацией политической силы, которая выступает в защиту прав русскоязычного населения, националисты развернули беспрецедентную по интенсивности PR-кампанию против референдума. Само участие в голосовании зачастую объявлялось фактом нелояльности по отношению к латвийскому государству. С другой стороны, формированием правительства без участия опиравшегося на русские голоса Центра согласия и последовавшим затем Постановлением правительства о переводе с 1 января 2012 года 40 % программы начальных классов школ для национальных меньшинств на латышский язык было вызвало крайнее недовольство русскоязычного населения. Тем более что ранее В. Затлерс обещал оставить существующую систему образования без изменений [4].

С призывами голосовать против статуса русского языка как второго государственного выступили практически все ведущие латвийские политики и общественные деятели. СМИ с 9 февраля обращали внимание на то, что избирательные участки, открытые для ознакомления с условиями референдума, пустуют, а население не проявляет к языковой проблеме ни малейшего интереса. Будь это так, не было бы смысла в широко организованной кампании, направленной на дискредитацию идеи второго государственного языка. Экс-президент В. Затлерс заметил, что за два десятилетия латвийскому обществу так и не удалось достичь сплоченности, взаимопонимания и солидарности. Видя настоящую причину референдума в неудачах прошлой национальной политики и объявляя языковое многообразие культурным богатством страны, В. Затлерс тем не менее подчеркнул, что латыши никогда не откажутся от родного языка в качестве единственного государственного, ибо только это обеспечивает его выживание и развитие [Там же].

Для латвийской элиты характерна тактика замалчивания межобщинных национальных языковых противоречий в стране. Тот же В. Затлерс во время своего визита в Москву и переговоров с Д. Медведевым в декабре 2010 года утверждал, что никакой дискриминации нелатышей в Латвии не наблюдается и что русскоязычные жители страны вполне довольны своим положением. А депутат от Латвии в Европарламенте И. Вайдере организовала для европейских политиков конференцию «Почему латышский язык должен остаться единственным официальным языком». На ней было заявлено, что Латвия ратифицировала и точно соблюдает нормы Европейской хартии о региональных языках и языках национальных меньшинств. Кроме того, указано, что русскоязычное меньшинство не соответствует критериям и дефинициям, содержащимся в Хартии. На самом же деле Латвия даже не подписала Хартию, а ее ведущие политики открыто заявляют, что и не собираются этого делать. Наоборот, ратифицировав Рамочную

конвенцию о правах национальных меньшинств, Латвия ограничила ее применение особой декларацией со ссылкой на национальное законодательство [3], фактически лишив представителей национальных меньшинств права общаться с государственными и муниципальными учреждениями на родном языке.

Весьма однозначно в отношении референдума высказался и действующий президент Латвии А. Берзиньш, заявивший в интервью телеканалу LNT, что референдум – не что иное, как «абсурдная игра, в которой не стоит участвовать». Глава правительства В. Домбровскис сказал, что примет участие в референдуме и проголосует против присвоения русскому языку статуса государственного, а спикер сейма С. Аболтиня призналась, что на агитацию, направленную на провал референдума, будут выделены средства из государственного бюджета. Все партии, входящие в правящую коалицию, выступили против референдума. Центр согласия предпочел отмолчаться, порекомендовав каждому проголосовать в соответствии с собственными убеждениями [7]. Тем не менее правительство не решилось напрямую финансировать агитацию против государственного статуса русского языка. Двадцатого января 2012 года было образовано общество «За латышский язык». Его создание совпало с назначением никому не известного ранее юриста А. Салнайса членом правления государственного акционерного общества «Латвийская почта». Помимо А. Салнайса в правлении состоят председатель Европейского объединения латышей А. Аустерс и представитель объединения ветеранов латышского легиона Ваффен СС «Даугавские ястребы» М. Слокенбергс. По мнению СМИ, именно под контроль А. Салнайса государством были поставлены финансовые потоки, направленные на агитацию. Финансирование кампании против русского языка как государственного решили осуществлять через «независимые» (контролируемые политическими партиями) общественные организации. Большая часть пожертвований поступила от зарубежных латышей, но значительное участие в пропагандистской кампании приняла партия «Всё – Латвии! /ТБ/LNNK» [5].

Такая политика полностью согласовывалась с реакцией латвийской общественности и «культурной элиты». Наиболее радикально их настроения выразил художественный руководитель Нового рижского театра А. Херманис, назвавший референдум тестом для предателей и порадовавшийся тому, что за 2,8 млн евро, в которые обойдется его проведение, государство получит полный список граждан, неверных стране. Театральный деятель обвинил в предательстве даже тех, кто призвал отказаться от участия в референдуме, а также спецслужбы, позволившие В. Линдерману «заварить эту кашу и еще выступить в Брюсселе» [10].

Взрыв национализма не ограничился призывами проголосовать на референдуме в пользу сохранения за латышским языком статуса единственного государственного. Обратив внимание на этническую принадлежность В. Линдермана, известный адвокат А. Грутупс в интервью газете «Neatkarīga Rita avīze» выдвинул тезис о том, что евреи в своем желании перессорить русских и латышей стремятся к разрушению латвийской государственности [2]. Подобные утверждения напугали еврейскую религиозную общину Латвии «Шамир», которая устами ее председателя раввина М. Баркана выразила поддержку латвийскому языку как единственному государственному [11].

Свой вклад в борьбу против референдума внесли и российские радикальные «демократы»: В. Новодворская и К. Боровой 15 февраля провели совместно с фракцией Рижской думы «Демократические патриоты» пресс-конференцию, в ходе которой уверяли, что признание русского языка вторым государственным будет иметь пагубные последствия как для латышей, так и для русских, поскольку язык есть лишь орудие раскола, и повторяли, что организаторы референдума выступают агентами Кремля [6].

В итоге можно констатировать, что в Латвии в настоящее время существует определенный потенциал как для социального, так и для межэтнического конфликта, которые пока не слились воедино и не переросли в социальный взрыв в значительной степени благодаря масштабной трудовой эмиграции наиболее молодой и трудоспособной части населения республики. Это уменьшает давление кризиса и безработицы, а значит, снижает градус социального напряжения, составляющей которого выступает напряжение межнациональное. Еще одним «успокоительным» фактором выступают постоянные выборы, порождающие у населения надежду на изменения к лучшему и на преодоление образовавшейся еще в конце прошлого века пропасти между правящей элитой и большинством как латышского, так и (в особенности) русского населения.

В результате образовалась гремучая смесь социальных и этнических противоречий. Значительная часть русскоязычного населения, голосовавшая за Центр согласия, обижена на то, что этой партии не удалось войти в правительство, и справедливо видит в этом результат интриг националистически настроенной элиты. Провал референдума только добавит остроты в протестные настроения, а акция 16 марта — парад ветеранов легиона Ваффен СС в Риге, с одной стороны, и празднование 9 мая — с другой, могут способствовать тому, что политиче-

ская борьба обретет черты гражданского конфликта, в котором недалеко окажется до применения силы с обеих сторон. Уже сейчас интернет полон призывами к расправам и насилию над инородцами. Особенно много угроз откровенно антисемитского содержания поступает в адрес В. Линдермана. С другой стороны, объектом психологического давления оказался глава отдела контроля Центра государственного языка А. Курситис [9].

Среди более глубоких и застарелых причин можно выделить социально-психологические. Очевидно, что корни ситуации лежат в событиях двадцатилетней давности, когда русское национальное меньшинство было отодвинуто от участия в государственной и (в значительной степени) общественной жизни, столкнулось с дискриминацией и признаками ассимиляции через систему образования. Прошедшее историческое время недостаточно не только для того, чтобы русские могли осознать себя национальным меньшинством и принять соответствующие стереотипы поведения, но и для того, чтобы латыши избавились от комплекса неполноценности, возникшего у них в советскую эпоху, и осознали себя подлинным национальным большинством, не только формально господствующим, но и ответственным за судьбу страны, национальный и гражданский мир, в конце концов — за судьбу того же национального меньшинства, которое никуда из Латвии не денется. В течение периода экономического роста 2002—2007 годов недовольство нивелировалось ростом потребления. Нынешнее обострение социальных противоречий и национального конфликта может угрожать самому существованию латвийского государства. Известный латвийский политик И. Островская подтвердила это, сказав: «Самое опасное, что может быть, — это столкновение больших масс людей на национальной или религиозной почве. И нам это, безусловно, грозит. Тем более что подобные вещи наблюдаются не только у нас — сейчас во многих странах мира обострилась национальная либо религиозная рознь. Это глобальная тенденция. Еще хорошо, что жители Латвии являются достаточно сдержанными по своему менталитету. Если бы такие страсти, как у нас сейчас, разгорелись в какой-нибудь южной стране, конфликт там был бы обеспечен. Сейчас обитателям Латвии не хватает диалога. Отсутствие общения рождает недопонимание, стремление к демонизации оппонента. Самым негативным образом сказывается кризис в обществе традиционных христианских ценностей. Нужно отказаться от той гордыни, с которой обе стороны взирают друг на друга, научиться уважать друг друга независимо от национальности. И только тогда опасность гражданской войны отступит» [Там же].

Список литературы

1. В Латвии русский язык может получить региональный статус. URL: <http://news.yandex.ru/yandsearch?cl4url=www.vesti.ru%2Fdoc.html%3Fid%3D720383> (дата обращения: 10.03.2012).
2. Еврейская община Латвии должна ответить за Линдермана. URL: <http://www.regnum.ru/news/1499595.html> (дата обращения: 16.02.2012).
3. Ежи Бузек транслирует ложную информацию о положении нацменьшинств в Латвии. URL: <http://www.regnum.ru/news/1499989.html> (дата обращения: 15.02.2012).
4. Затлерс призывает русскоязычных латвийцев голосовать против русского языка. URL: <http://www.regnum.ru/news/1499512.html> (дата обращения: 15.02.2012).
5. Кампанию против русского языка финансируют экс-легионеры Ваффен СС (Латвия). URL: <http://www.regnum.ru/news/1498012.html> (дата обращения: 10.02.2012).
6. Новодворская: Референдум по госстатусу для русского языка в Латвии – это хамство. URL: <http://www.regnum.ru/news/1499586.html> (дата обращения: 15.02.2012).
7. Президент Латвии: языковый референдум – абсурдная игра. URL: <http://www.fregat.info/politika/44553.html> (дата обращения: 22.02.2012).
8. Референдум в Латвии 2012. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E5%F4%E5%F0%E5%ED%E4%F3%EC_%E2_ (дата обращения: 15.02.2012).
9. Удастся ли Латвии избежать гражданской войны? URL: <http://www.newspb.ru/allnews/1498064.html> (дата обращения: 10.02.2012).
10. Херманис: Те, кто поддерживает госстатус для русского языка, – предатели Латвии. URL: <http://www.newspb.ru/allnews/1499940.html> (дата обращения: 16.02.2012).
11. «Шамир» выступил против русского языка как государственного в Латвии. URL: <http://www.regnum.ru/news/1498891.html> (дата обращения: 14.02.2012).

*Ивета Кажока
(Рига, Латвия)*

ЛАТВИЯ ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА О ВТОРОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

В Латвии 18 февраля 2012 года прошел референдум о предоставлении русскому языку статуса второго государственного наравне с латышским. Результаты голосования таковы: за два государственных языка отдали свои голоса 273347 граждан Латвии, против – 821722 [1] (то есть больше половины, имеющих право голоса).

На момент написания этой статьи после референдума прошел только один месяц, а значит, пока нет достаточных оснований судить о том, как изменилось общество Латвии: еще предстоит серьезно осмыслить события, предшес-

вовавшие референдуму и последовавшие за ним, проанализировать данные опросов общественного мнения. Именно поэтому жанр настоящей статьи можно определить как прогностический, как *policy paper*. Наша цель – обосновать возможные сценарии дальнейшего развития латвийского социума, для чего необходимо: 1) проследить цепь событий, приведших к референдуму; 2) обозначить намечающиеся после референдума изменения в общественном климате; 3) обсудить вопрос о наличии у политиков Латвии политической воли добиваться сплочения латвийского общества; 4) сопоставить различные сценарии дальнейшего развития событий.

Предыстория референдума о двух государственных языках

В течение последних пяти лет в Латвии было проведено пять референдумов, один из них – по поводу роспуска парламента и проведе-

ния новых выборов. По нынешнему уровню гражданской активности в решении государственно значимых вопросов Латвия уступает в Европе только Швейцарии.

Согласно законодательству страны референдум может быть проведен, во-первых, по инициативе президента, во-вторых — народа (при этом идея проведения должна быть поддержана не менее $1/10$ частью граждан Латвии, имеющих право голоса).

Референдум о двух государственных языках изначально не имел реалистичной цели. Чтобы изменить конституцию Латвии путем референдума, более половины граждан страны, имеющих право голоса, должны согласиться с предлагаемыми новациями. Между тем более половины граждан Латвии — латыши [4]. За кандидатов так называемых «русских партий» обычно голосуют не более 300 тыс. граждан Латвии. Поэтому можно утверждать, что референдум 18 февраля был чисто символического толка.

Причины, по которым более $1/10$ граждан Латвии инициировали данный референдум, можно объяснить, только отследив всю цепь событий, приведших к 18 февраля.

Вопросы языка, истории и гражданства традиционно самые болезненные для латвийского общества. Отношение именно к ним служит главным критерием идеологической дифференциации политических партий. Соответственно, за одни политические партии голосуют только латыши (а они составляют 62 % населения страны), за другие — в большинстве своем русскоговорящие граждане. При этом важно отметить, что примерно 14 % жителей страны не являются гражданами Латвии, а значит, не имеют права голоса на выборах и референдумах.

К референдуму о статусе двух государственных языков привели события, начало которым было положено весной 2011 года. Именно тогда одна партия, представленная в парламенте, но не входящая в правительственную коалицию (Национальное объединение), начала сбор подписей о созыве референдума по вопросу о переводе всех школ в Латвии на латышский язык обучения. Это возмутило часть русскоязычной общины. Хотя данная инициатива не собрала нужных для референдума подписей $1/10$ граждан Латвии, активисты русскоязычной общины объявили сбор подписей за проведение референдума о придании русскому статусу второго государственного языка.

В июле 2011 года по результатам другого референдума, спровоцированного коррупционным скандалом в парламенте, законодательный орган Латвии был распущен, а в сентябре 2011 года на парламентских выборах больше всего голосов (28 %) набрало объединение «Центр согласия», за которое голосовали в основном русскоговорящие граждане. В ходе предвыборной агитации эта партия не поддержива-

ла идею референдума о двух государственных языках, высказываясь за введение трехлетнего моратория на обсуждение национальных проблем. Переговоры о создании коалиции окончились тем, что «Центр согласия» оказался в оппозиции, и это вызвало недовольство русскоязычных граждан Латвии. Именно в это время продолжился сбор подписей в поддержку признания русского языка вторым государственным. На этот раз к этой инициативе присоединился и лидер «Центра согласия», мотивируя свою позицию необходимостью быть вместе со своими избирателями, даже если не разделяешь их взгляд на проблему. Нужное количество подписей было собрано, что вызвало жесткую ответную реакцию у членов других партий, представленных в парламенте: они восприняли предлагаемый референдум как угрозу государственности Латвии. Вплоть до 18 февраля обе стороны вели агитационную кампанию, призывая людей идти на референдум.

События после референдума о двух государственных языках

Несмотря на болезненность для обеих общин вопроса, вынесенного на референдум, и ярко выраженную «этническую ориентацию» голосования, само мероприятие прошло в мирной обстановке, без каких-либо эксцессов. После обнародования результатов почти все политики, чтобы не раздражать общество, воздерживались от высказываний в терминах «победители»/«побежденные» или «патриоты»/«пятая колонна». Если за месяц до референдума обстановка была напряженной, то за неделю до него и после проведения стали появляться гражданские, негосударственные инициативы, направленные на сплочение общества.

Самая заметная из таких инициатив — Манифест доброй воли, который был создан и подписан видными деятелями культуры и в первую очередь — президентом Латвии Андрисом Берзиньшем. В Манифесте был предложен ранее не применявшийся в Латвии метод сплочения общества, суть которого в принципиальном отказе от попыток навязывания другому своей правды, своей точки зрения, в сознательном решении вести диалог на основе взаимного уважения. Вот самые характерные выдержки из Манифеста: «Мы, граждане и жители Латвии, обязуемся приложить свои силы для того, чтобы способствовать пониманию и примирению между различными группами живущих в Латвии людей. <...> Все мы, будучи людьми, в своей глубинной сущности являемся одинаково ценными индивидами, каждый с собственными дерзаниями и правом на воплощение своей мечты. <...> Мы объединились в общей любви и уважении к Латвии как к нашей единой родине. Мы считаем, что любить Латвию и заботиться о ее будущем

означает любить и ценить ее уникальную историю, латышские традиции, культурное пространство и латышский язык. Любить Латвию означает любить и уважать также другие традиции и культуры, обитающие в латвийском пространстве, людей всех национальностей, для кого Латвия является домом. <...> В любви к Латвии мы обязуемся не разжигать ненависть, агрессию и нетерпимость. Мы отказываемся получать прибыль от страха и отказываемся использовать агрессивную лексику. Мы будем учиться не реагировать агрессивно на агрессию, которую со своей стороны проявляют радикалы и нетерпимые люди. Мы считаем, что любая проблема разрешима в диалоге, преисполненном взаимным уважением и ответственностью заинтересованных сторон. <...> Мы осознаем, что несем в себе видимые и невидимые, осознанные и неосознанные следы и ранения прошлого. Мы осознаем, что единственный возможный путь для преодоления противоречивых следов прошлого — это взаимное прощение и отказ от предъявления друг другу счетов в том, кто больше виноват» [2]. Под Манифестом подписались и многие другие политики Латвии, в том числе спикер парламента, председатель парламентской комиссии по сплочению общества.

Через неделю после референдума центр общественной политики «Провидус» (Providus) провел дебаты случайно отобранных жителей Латвии — латышей и русскоговорящих — с целью поиска мер сплочения общества. Оказалось, что латышам и русскоговорящим жителям республики легче, чем политикам, договориться о конкретных решениях: например, о совместных мероприятиях или о бесплатном обучении латышскому языку [3]. Они одинаково видят будущее Латвии как страны, в которой комфортно живется представителям всех национальностей. Депутаты двух партий — «Центра согласия» и «Национального объединения» — собрали в помещениях своих фракций детей — учащихся латышских и русских школ. Размышления школьников о путях консолидации общества, их предложения по этому вопросу почти полностью совпали с теми, которые были выдвинуты в качестве приоритетных участниками дебатов, организованных «Провидусом».

Помимо таких миролюбивых инициатив после референдума появились реакции и другого рода: так, негодование русскоязычных жителей Латвии вызвала идея перевода детских садов на латышский язык общения/обучения. Они были также разочарованы тем, что парламент отклонил предложение о специальном статусе дня празднования Рождества для православных. На момент написания этой статьи объявлен сбор подписей за проведение референдума по вопросу предоставления гражданства всем жителям Латвии. В ответ на эту инициативу парламент рассматривает возможность ужесточения закона о референдумах.

Самым показательным днем, по которому можно судить о настроениях наиболее радикальных слоев латвийского общества, традиционно является 16 марта — день памяти тех, кто погиб, воюя в рядах легиона Третьего рейха. В 2012 году этот день прошел мирно, без провокаций с чьей-либо стороны.

Анализируя факторы, которые могут стать решающими для обеспечения комфортного сосуществования различных национальных общин в Латвии, следует начать с оценки поведения латвийских политиков. Именно политика до сих пор являлась фактором, порождающим, с одной стороны, нестабильность в межэтнических отношениях, с другой — известную стабилизацию: когда стихали политические споры, в обществе гасли и проявления национальной неприязни. Политикам временами удавалось убедить избирателя в том, что обсуждение вопросов истории, языка и гражданства должно быть отложено на какое-то время.

С целью понять, как относятся латвийские политики к проблеме взаимоотношений национальных общин, автором этой статьи было проведено небольшое исследование: через неделю после референдума всем депутатам (100 чел.) и министрам (12 чел.) в gudragalvas.lv были посланы вопросы о том, подписали ли они Манифест доброй воли и какова мотивация подписания/неподписания ими этого документа. В полученных ответах нами было выделено 36 мотиваций. В ответ на заданный вопрос 12 депутатов и министров (Эдгарс Ринкевичс, Илмарс Латковскис, Эйнарс Цилинскис, Атис Лейиньш, Оярс Эрикс Калниньш, Солвита Аболтиня, Валдис Затлерс, Валдис Лиепиньш, Инесе Либиня-Эгнер, Карлис Энгелис, Эдмундс Демитерс, Инга Бите) указали, что подписали Манифест. Не подписали этот документ 21 депутат и министр (Лаймдота Страуяма, Ингрида Цирcene, Валдис Домбровскис, Элина Силяня, Карлис Сержантс, Дзинтарс Расначс, Винета Пориня, Имантс Парадниекс, Инара Мурниеце, Карлис Креслиньш, Ингуна Рибена, Янина Пакуле-Курсите, Андрей Юдин, Ина Друвиете, Лолита Чигане, Ингмарс Чаклайс, Андрис Буйкис, Юрис Вилюмс, Михаил Землинский, Андрей Элксиньш, Борис Цилевич), в том числе и премьер Валдис Домбровскис. Три депутата выразились уклончиво (Инита Бишофа, Валерий Агешин, Клавс Олштейнс). По-видимому, они все-таки не подписали Манифест.

Мотивы подписания депутатами и министрами Манифеста доброй воли

Мотив	Количество подписавших	Характерная цитата
Манифест — ценностная база сплочения общества	6	Эдгарс Ринкевичс («Партия реформ Затлерса», министр иностранных дел): «Подписался, так как считаю, что это хорошая инициатива для сплочения общества на базе общечеловеческих ценностей»
Чтобы не было нагнетания межэтнической вражды; ради мира и согласия	4	Илмарс Латковскис («Национальное объединение», депутат, председатель парламентской комиссии по сплочению общества): «Чтобы не допустить нагнетания межэтнической вражды»
Так как нужно совместно думать о будущем	1	Валдис Затлерс (руководитель «Партии реформ Затлерса», депутат): «Я подписался, потому что считаю, что нам надо думать о будущем Латвии; о том, как мы все можем сотрудничать, чтобы решать проблемы и развивать страну. Нам нужно ставить вопросы государства выше, чем интересы партий. Я оптимист, считаю, что добрая воля лучше и конструктивнее, чем вражда»
Разные	1	Эйнарс Цилинскис («Национальное объединение», депутат): «Я мог бы назвать разные мотивы, но скажу только, что подписался, потому что я по вере христианин»

Как видно из таблицы, основные причины, по которым депутаты и министры подписались под Манифестом доброй воли, таковы: 1) манифест — это ценностная база для начала диалога о сплочении общества; 2) он дает надежду на то, что будет остановлено нагнетание межэтнической вражды. Как выразилась спикер парламента Солвита Аболтиня, «я подписалась под Манифестом доброй воли, потому что считаю, что важна любая инициатива, направленная на уменьшение нервозности в обществе, на его консолидацию. По моему мнению, политики должны не только прислушиваться к авторам Манифеста доброй воли, но и действовать в соответствии с его положениями. Я лично считаю этот Манифест призывом к эмоциональному примирению, на базе которого можно начать конструктивный диалог». Ясно также, что Манифест подписан сравнительно небольшим числом депутатов и министров, в основном — от партий правящей коалиции.

Мотивы неподписания Манифеста доброй воли депутатами и министрами

Мотив	Количество подписавших	Характерная цитата
Не понимаю, почему нужно примирение, почему надо просить о прощении	7	Инара Мурниеце («Национальное объединение», депутат, председатель парламентской комиссии по общественным делам): «Непонятно, кто с кем должен примириться, у кого просить прощения и зачем?»
Нужны не манифесты, а конкретные дела	6	Андрей Элксниньш («Центр согласия», депутат): «Я считаю, что нужны не документы, резолюции и манифесты, а конкретные действия в интересах общества. Посмотрите, сколько в стране политических документов, но почему-то никто не собирается их выполнять, потому что нет средств, механизмов их реализации. Но содержание Манифеста мне близко»
Манифест ничего не решит	4	Борис Цилевич («Центр согласия», депутат): «Намерения хорошие, в духе кота Леопольда. У меня к манифесту нет никаких претензий, но и надежд на то, что это что-то изменит, тоже нет. Пока выражаемся в общих словах, все в порядке, но, когда дойдем до конкретных дел, появятся проблемы»
Не было времени/возможности подписаться	4	Юрис Вилломс («Партия реформ Затлерса», депутат): «Мы с коллегией Гунарсом Игаунисом Манифест полностью поддерживаем, но технически – пойти в президентский замок и подписаться – у нас не было возможности»
Документ не ясен	3	Ингрида Цирcene («Единство», министр здравоохранения): «Я согласна, что цели Манифеста благородны, но все-таки документ довольно неясный по содержанию»
Латышам с русскими надо разговаривать с позиций государствообразующей нации	2	Инара Мурниеце («Национальное объединение», депутат, председатель парламентской комиссии по общественным делам): «Латыши с остальными этническими группами Латвии диалог должны вести любезно, но с позиций государствообразующей нации»

Окончание табл.

Мотив	Количество подписавших	Характерная цитата
Референдум был проявлением агрессии со стороны России	1	Карлис Сержантс («Союз зеленых и крестьян», депутат): «Я никогда не разделял людей по этническому признаку или по языку, но последние действия все-таки считаю не зовом о помощи со стороны русскоязычной общины, а агрессией имперски мыслящего соседнего государства по отношению к другой стране, которую оно считает своей бывшей колонией».
Неясный	3	Андрис Буйкис («Единство», депутат): «Я не считаю это полезным делом»

Итак, причины, по которым депутаты и министры не подписались под Манифестом, таковы: 1) часть несогласных не устраивает примиренческий пафос Манифеста (респонденты утверждают, что историческая правда исключительно на стороне Латвии, и поэтому не готовы идти на компромисс, к которому побуждает Манифест); 2) другие несогласные считают нецелесообразным само появление Манифеста (респонденты не имеют претензий к содержанию документа, но уверены, что необходимы не манифесты, а действия).

Хотя на вопросы ответили в основном представители правящей коалиции, главная линия аргументации показательна для всего парламента. Депутаты самой большой партии в парламенте («Центра согласия») не раз публично утверждали, что согласны с основными установками Манифеста, но не видят смысла подписывать предложенный конкретный документ. Депутаты второй партии оппозиции — Союза зеленых и крестьян — публично аргументируют свое решение по-разному: некоторые считают невозможным начать историю с белого листа, другие призывают искать примирения, но иными способами.

Судя по инициативам, которые были описаны выше, можно сделать заключение о том, что в Латвии в данный момент у многих политиков наличествует политическая воля способствовать консолидации общества. В разных партиях эти добрые знаки выражаются по-своему.

1. «Центр согласия» — главная партия оппозиции — представляет в основном русскоговорящих граждан Латвии. До референдума она имела куда больше возможностей работать с правительством, чем сейчас. Во время референдума не все депутаты от этой партии поддержа-

ли призыв своих лидеров голосовать за два государственных языка. На данный момент обрисовались контуры новых политических партий, находящихся в процессе создания, но потенциально способных стать конкурентами «Центра согласия».

2. «Единство» — правящая партия спикера и премьер-министра. Если раньше «Единство» выступало с позиций ассимиляционной модели интеграции, то спустя месяц после референдума его представители намного осторожнее относятся к этим вопросам. «Единству» незачем нагнетать напряженность, но и вести активный диалог с русскоговорящим электоратом, который практически не голосует за эту партию, тоже нет мотивации. Внутри «Единства» наблюдается все больший разброс мнений по вопросам интеграции: только некоторые его представители подписали Манифест доброй воли. В большинстве же депутаты от «Единства» по самым разным причинам не поставили свои подписи под этим документом.

3. «Партия реформ Затлерса», существующая только с середины 2011 года, показала второй результат на внеочередных выборах. Абсолютное большинство ее избирателей — латыши, но основная часть депутатов от этой партии подписала Манифест доброй воли, учитывая интересы и латышей, и русскоговорящих избирателей.

4. «Национальное объединение» — радикально консервативная партия, депутаты от которой чаще всего выдвигают на первый план именно вопросы языка, истории и гражданства. Спустя месяц после референдума «Национальное объединение», как кажется, начинает терять свое влияние на остальные партии правящей коалиции. Очевидной становится неоднородность настроения его членов: так, два видных политика, будучи членами этой партии, выступили инициаторами создания Манифеста доброй воли.

5. «Союз зеленых и крестьян» — вторая партия оппозиции — не заинтересован в нагнетании межэтнической напряженности, но пока не готов делать конкретные шаги навстречу русскоговорящим жителям Латвии.

На данный момент единственная из парламентских партий, которая могла бы быть заинтересована в обострении обстановки, — «Центр согласия». Она могла бы ужесточить свою и без того радикальную политику из боязни потерять своего избирателя и утратить влияние на другие партии, но референдум показал: радикализация ведет к отчуждению партии от власти. Поэтому более вероятен сценарий отката «Центра согласия» от усиления конфронтации.

Самая большая проблема латвийской политики состоит в отсутствии в парламенте партии, которая бы одинаково внимательно прислушивалась и к латышам, и к русскоговорящим жителям Латвии.

Что дальше? Возможные модели развития латвийского общества

Очевидная тенденция современности — интеграция латышского и русского этносов в пространстве Латвии: растет процент жителей республики, имеющих латвийское гражданство и знающих латышский язык. С распространением интернета (особенно социальных сетей) все больше людей узнают о том, что происходит в информационных пространствах двух национальных общин.

Представляется, что для латвийского общества возможны четыре модели дальнейшего развития: 1) создание сплоченного гражданского общества; 2) формирование модели «уютного» сосуществования национальных общин; 3) создание модели «трения» латышской и русской общин; 4) формирование модели конфронтации общин.

1. Модель сплоченного гражданского общества.

Эта модель постепенного формирования нации с одной («совместной») идентичностью, для которой вопросы языка и этнической принадлежности будут неактуальны. При ее реализации почти все жители Латвии станут ее гражданами, будут свободно общаться на разных языках, ориентируясь на собственные предпочтения. Партии будут ориентированы на решение вопросов, касающихся не отдельных этнических групп, а всего социума страны. В сплоченном гражданском обществе североевропейского типа слово «латыш» или «латвиец» будет обозначать не этническую принадлежность, а гражданство.

2. Модель «уютного» сосуществования общин.

В этой модели акцент делается не на создании единой нации, а на том, чтобы разные общины Латвии мирно сосуществовали на основе взаимного уважения. Эта модель предполагает главенство партии, представляющей только одну из общин. Но при этом все другие партии должны с готовностью идти на компромиссы, поскольку в обществе согласие и взаимопонимание будут цениться выше, чем яростная борьба за интересы своей общины.

3. Модель «трения» общин.

В случае реализации этой модели жители Латвии ясно ощутят себя представителями определенной национальной общины, будут сохранять убеждение в том, что интересы общин находятся в конфликте, и поэтому станут голосовать за партии, защищающие именно их. Общины внимательно и с подозрением станут следить друг за другом, ожидая внезапных нападков противной стороны. Согласие и компромиссы будут возможны только по «нейтральным» вопросам. Время от времени начнут обостряться протестные настроения, вследствие чего возникнет потребность в новых референдумах по национальным, разделяющим общины вопросам.

4. Модель конфронтации.

В случае «победы» этой модели лидеры общин станут вести себя агрессивно. Межэтнические отношения будут все более накаляться, начнут копиться взаимные обиды, усиливаться недоверие, сегрегация.

По нашему мнению, на данном этапе Латвия переходит с третьей модели развития на вторую. Как показывают дебаты ее жителей, наше общество — и латыши, и русскоговорящие — отрицает политику стравливания национальных общин, нацелено на достижение прагматичных компромиссов по болезненным вопросам гражданства и языка. Для некоторых политических партий и представителей общества более выгодна третья модель сосуществования, поскольку они стремятся взять на себя роль непримиримых борцов за интересы родной общины. Часть общества именно такую модель считает наиболее реалистичной. Как показывают события и до, и после референдума, в Латвии почти невозможна реализация четвертой модели — жесткая конфронтация между общинами, поскольку провокации или непродуманные инициативы (например, идея перевода всех детских садов только на латышский язык) могут привести к временным осложнениям отношений, но не к стойкой ненависти на национальной почве.

Если говорить о самом вероятном варианте развития общества Латвии через 10–20 лет, то, думается, выбирать следует из двух моделей: первой и второй. Постепенно, с реализацией возможностей, которые открыты вступлением страны в Европейский союз, и по мере психологического «притирания», сближения национальных общин в Латвии сформируется сплоченное гражданское общество. Как только будет найден компромисс в решении вопроса о правах неграждан и представители хотя бы одной партии, за которую голосуют русскоговорящие, войдут в состав правительства, пропадет почва для межэтнического конфликта.

Список литературы

1. Веб-сайт референдума о придании русскому языку статуса государственного. URL: <http://www.cvk.lv/pub/public> (дата обращения: 03.03.2012).
2. В Рижском замке подписан Манифест доброй воли. URL: <http://www.baltic-course.com/rus/opinion/?doc=53023> (дата обращения: 20.03.2012).
3. Гражданские дебаты об интеграции. URL: http://www.providus.lv/upload_file/RU_zinojums.pdf (дата обращения: 18.0.2012).
4. *Latvijas statistika*. 2011. URL: <http://www.csb.gov.lv> (дата обращения: 14.03.2012).

*Андрей Мамыкин
(Рига, Латвия)*

БИЗНЕС НА КИРИЛЛИЦЕ

К истории формирования и становления постсоветской прессы Латвии на русском языке

История русской прессы Латвии последних двух десятилетий, словно зеркало, отражает этапы становления и независимого латвийского государства, и русской общины, и тех антагонистических противоречий двух крупнейших языковых общностей страны (русской и латышской), которые сегодня кажутся уже непреодолимыми. В данной статье рассмотрено становление, современное состояние и очерчены перспективы классической печатной газеты на русском языке в Латвии.

Несмотря на довольно хорошую изученность феномена русской прессы Латвии последних двух десятилетий в работах латвийских специалистов по массовым коммуникациям, до сих пор налицо отсутствие глубокого осмысления целей и задач русской постсоветской газеты Латвии.

Ничуть не претендуя на статус фундаментального исследования, настоящая статья призвана сфокусировать внимание на ключевых моментах развития русского газетного жанра. Особо следует подчеркнуть следующее.

1. Русская газета постсоветской Латвии — продолжатель традиций и новаторских подходов рижской газеты «Советская молодежь».

2. Современная русская газета Латвии практически не является наследником традиций довоенной русской газеты независимой Латвии.

3. Расцвет печатных газет Латвии на русском языке пришелся на конец 1990-х годов.

4. В настоящее время бумажная газета переживает кризис, который может быть преодолен только в том случае, если она «уйдет» в презентационный формат, уступив место мультимедийным интернет-порталам, которые в последние годы заявили о себе как СМИ будущего.

«Советская молодежь» как основа становления русской постсоветской прессы Латвии

Кануло в Лету время, когда рижская газета «Советская молодежь» выходила в столице Латвии почти миллионным тиражом и одна шестая часть суши от Калининграда до Камчатки зачитывалась, как казалось тогда, самыми передовыми материалами «Молодежки» (так в конце 1980-х годов неформально называли печатный орган ЦК республиканского Комитета комсомола Латвии, выходивший на русском языке под руководством живой легенды – Александра Сергеевича Блинова – нынешнего главного редактора ежедневной русской газеты Латвии «Вести сегодня»). Алла Петропавловская, Марина Михайлова, Евгений Орлов, Алексей Шейнин, Павел Разуваев, Наталья Севидова, Евгений Мешков, Ольга Авдевич, Инна Каневская, Маргарита Трошкина, Татьяна Колгушкина, Алла Березовская, Эдуард Ройтман – эти и десятки других журналистских имен помнят и сегодня читатели старшего поколения, бывшие подписчиками рижской «Молодежки».

В конце 1980-х годов «Молодежка» оказалась не просто смелой газетой, а дерзко смелой: нелатышские издания, а именно русская «Советская молодежь», первыми облекли в слово идею независимости Латвии. Именно «Молодежка» первой в СССР ввела рубрику «Секс-ликбез» (говорят, призывники Советской Армии хранили под подушкой вырезки фотографий из рижской газеты). Именно эта газета взорвала общественное сознание республики и всего Союза, отправив экспедицию к М-скому треугольнику.

Старшие коллеги вспоминают, что помимо воздуха свободы, незримо витавшего на 11-м этаже Дома печати (народное название здания Издательства ЦК Компартии Латвии в Риге, где перед распадом СССР располагалась редакция «Молодежки»), атмосферу свободного творчества создавал и поддерживал главный редактор Александр Блинов, в 1980-е годы исправно ходивший чуть ли не каждое утро в республиканский ЦК комсомола на «разбор публикаций».

После обретения Латвией независимости «Молодежка» получила название «СМ-сегодня» и стала акционерным обществом, перешла в собственность работников редакции. Однако свобода управления и отсутствие цензуры (свобода слова в Латвии и сегодня — величина абсолютная) привели к двум кризисам в жизни газеты. Первый был связан с объективным падением тиражей, развитием рынка СМИ и невозможностью в ранние 1990-е годы распространения газеты не то что во Владивостоке, но даже в Калининграде.

Причина второго кризиса — искушение деньгами. Самостоятельное управление газетой и ее финансовыми потоками раскололо журналистский коллектив: отделилось рекламное приложение «СМ-реклама», в 1994 году был создан издательский дом «Петит». «СМ-сегодня», хоть и теряла с каждым годом свое бывшее влияние, но еще в 1995 году выходила ежедневным тиражом в 80 тысяч экземпляров, что для современной русской газеты Латвии — абсолютно недостижимая цифра. Череду скандалов и судебных тяжб привела к тому, что в 1998 году газета «СМ» — очередное название «Молодежки» — обанкротилась, а основная масса оставшегося в ней коллектива перешла в газету «Вести сегодня» издательского дома «Фенстер».

Уход с рынка переводных русских изданий

В советской Латвии большинство центральных республиканских газет выпускалось на двух языках. Нередко они точь-в-точь копировали друг друга, но за неимением в советские годы иных источников информации читающая на русском языке публика довольно охотно брала «переводные» газеты. Рижане до сих пор помнят, как у киосков латвийского отделения «Союзпечати» выстраивалась очередь за «вечеркой» — ежедневной вечерней газетой «Ригас Балсс» («Голос Риги»), поступавшей в продажу после 16.00.

Несоветская пресса позднесоветской Латвии следовала той же традиции: возникшая осенью 1990 года как первая независимая от ЦК Компартии газета «Диена» («День»), взявшая себе в качестве слогана слова «Газета Латвийской республики» и поместившая его вместо традиционного лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», также имела две одинаковые версии: русскую и латышскую. Тираж русского издания «Диены» изначально был раза в четыре меньше латышского, но такая пропорция отвечала реальному запросу читающей по-русски публики на такого рода издания.

По этому же пути пошла газета «Атмода» («Пробуждение») – официальный печатный орган Народного фронта Латвии. Наряду с латышским и крайне малочисленным английским тиражом газеты русское издание привлекло к себе цвет русской общественности Латвии, активно поддерживавшей тогда идею независимости республики. Сейчас это выглядит невероятным, но именно в русской «Атмоде» состоялся как публицист нынешний парламентарий Николай Кабанов, имеющий в латышских СМИ славу «русского шовиниста». Именно в русской «Атмоде» заместителем главного редактора газеты работал Владимир Линдерман – тот самый, который инициировал проведение в феврале 2012 года референдум по приданию русскому языку статуса второго государственного и выдворения которого из страны сейчас активно требуют правящие политики.

Поскольку «Атмода» изначально была печатным органом пропаганды и агитации (только пропаганды антисоветской – за независимую Латвию), то по достижении республикой независимости и в связи с самоликвидацией Народного фронта уже в 1993 году русская «Атмода» приказала долго жить.

Другие переводные газеты – «Диена», «Ригас Балсс», «Земе» – и целая вереница центральных и районных малотиражек также неизбежно закончили банкротством. Помимо объективных причин печального исхода (наличие сильных конкурентов, развитие альтернативных СМИ (коммерческих радиостанций и телеканалов, интернета), падение читательской культуры и привычки держать газету в руках) важную роль сыграл один субъективный фактор: русские переводные газеты были точной копией латышских. Они выходили на русском языке, в русской графике, но писали о том, что интересовало только латышских читателей. И если поначалу русский читатель Латвии прощал издателю «латышские газеты на кириллице», поскольку они привлекали его нетрадиционной для советского человека подачей материала, то уже к середине 1990-х годов тенденция закрытия переводных газет обозначилась явно и резко.

«Бизнес & Балтия» как доминанта деловой русской прессы Латвии

Особняком в процессе «русификации русских газет Латвии» стоит издание «Бизнес & Балтия»: газета выходит и по сей день, однако ее золотой век приходится на вторую половину 1990-х годов. Изначально она мыслилась как интернациональное издание (для русских читателей трех стран – Эстонии, Латвии и Литвы) с редакцией в Риге и кор-

пунктом в Калининграде) с бизнес-уклоном. Появление первых газетных желтых бизнес-страниц на русском языке в киосках Латвии связано именно с этим изданием. Отцы-основатели газеты — трагически погибший впоследствии Владимир Гуров и Юрий Алексеев (ныне редактор интернет-портала www.imhoclub.lv) — сумели создать поистине звездную команду самых на тот момент компетентных в деловой журналистике людей. В эту команду вошли Александр Никласс, Ольга Павук, Андрей Левкин (позднее — лауреат литературной премии Андрея Белого) и др.

Год 1997-й был отмечен выходом уникального за всю историю постсоветской русской печати Латвии приложения к газете «Бизнес & Балтия» — еженедельника «Семь пятниц». Редакционный костяк этого уникально остроумного, интеллектуально-эпатирующего, но при этом абсолютно новостного и чутко слышащего пульс страны еженедельника составили в разные периоды выходцы из «Молодежки»-«Эсэмки»: Александр Гаррос (позднее ставший писателем и стартовавший в 2004 году в России сразу с премии «Национальный бестселлер»), Андрей Беляев, Николай Кабанов (ныне парламентарий сейма Латвии трех созывов), Константин Гайворонский (ныне заместитель главного редактора газеты «Вести сегодня»). Издание просуществовало чуть более полугода: отсутствие со стороны русской публики читательской заинтересованности в интеллектуальной газете вынудило издателя закрыть еженедельник.

«Панорама Латвии» как лидер тиража конца 1990-х годов

На фоне растущего интереса к откровенно желтым изданиям и падения интереса к изданиям серьезным совершенно уникальным представляется феномен газеты «Панорама Латвии», ставшей в конце 1990-х годов абсолютным лидером по тиражу среди русских ежедневных газет. И хотя ее тогдашние прямые конкуренты гнались за новизной полиграфии («Панорама Латвии» до последнего дня выходила в черно-белом варианте, а «Час» и «Вести сегодня» перешли на цветную печать), «Панорама Латвии» получила большой тираж (25–28 тысяч экземпляров каждый будний день и свыше 40 тысяч в субботу с возвратом из розницы всего лишь около 5 %) благодаря крайне невысокой подписной цене и умению выбрать, заинтересовать свою целевую аудиторию: в основном пенсионеров и отставников российской армии. «Газета военных пенсионеров» — так коллеги-конкуренты называли издание Владимира Фарбера во второй половине 1990-х.

Успех «Панорамы» объясняется не только вымиранием переводных русских газет в тот период, но также историей ее появления на рынке. «Панорама Латвии» — наследник газеты «Советская Латвия», которая была главным русским печатным органом Компартии Латвии с конца 1940-х годов. В связи с действующим в Латвии запретом на деятельность Компартии в 1991 году был запрещен и выпуск «Советской Латвии». «Панорама Латвии» — это газета, которую стал издавать коллектив «Советской Латвии». Звездный час и пик цитируемости газеты пришелся на период после марта 1998 года, когда журналистка Инна Харланова призвала своих читателей собраться у входа в здание Рижской городской думы и обсудить острую проблему коммунальных платежей в столице. На следующий день несколько тысяч человек (в основном пенсионеров) пришли к зданию Думы, частично перекрыв проезжую часть улицы Валдемара. Очищать улицу прибыл мобильный полк полиции. Один из митингующих погиб, многие получили ранения и увечья. Российское телевидение сообщило о рижских событиях под шапкой «латышская полиция разгоняет русское население», что было правдой только отчасти: в мобильном полку полиции было 70 % русскоязычных, а среди собравшихся пенсионеров — немало латышей. Русским и латышам оказалось одинаково трудно выжить на низкую пенсию при непомерно высоких тарифах квартплаты. Попытки латвийского правящего истеблишмента закрыть русскую провокационную газету не увенчались успехом, Инна Харланова выиграла суд, но через три года газета попала в сложное финансовое положение и закрылась. Редакция продала лицензию на издание «Панорамы Латвии» конкуренту — издателю газеты «Час» издательского дома «Петит». Лицензия была куплена, чтобы... не выпускать «Панораму Латвии» никогда.

Ужесточение конкуренции и оформление двух издательских центров

В первое десятилетие XXI века развернулся процесс «брайтонбичизации» русского печатного газетного слова Латвии. Бедный язык, исключительно бытовые, социально приниженные темы, политические обзоры, сфокусированные на деятельности только «прорусских» партий — такой русская пресса стала сегодня. Неспособность сдерживать натиск интернет-изданий, развитие телекоммуникаций вкуче с умиранием классической газеты как информационного феномена — все это приводит к стремительному уменьшению тиражей и влияния рус-

ских газет Латвии. Свободный дрейф печатной прессы в объективно мелеющем русском информационном море республики может оказаться недолгим, поскольку Россия не оказывала и не оказывает серьезной систематической поддержки русской газете в Риге и других латвийских городах.

Отчасти такое положение на рынке объясняется и ситуацией с двумя крупнейшими русскими издательскими домами Латвии. Издательские дома «Петит» (ежедневная газета «Час», еженедельная «Суббота», журнал «Люблю!»), бесплатная газета «Ригас сантимс» и др.) и «Фенстер» (ежедневная газета «Вести сегодня», еженедельная «Вести», журнал «Семь секретов», бесплатная газета «Латвияс сантимс») являются непримиримыми и бескомпромиссными конкурентами. Конкурентная борьба между ними была настолько острой, что их президенты Алексей Шейнин и Андрей Козлов годами избегали встреч друг с другом, а журналистам обоих домов официально было запрещено даже косвенно упоминать издания конкурентов. В преддверии 2000 года директор Института экономики Латвийской АН Райта Карните признала, что конкуренция на рынке русской печатной продукции отличается жесткостью, которая отсутствует в других отраслях латвийской экономики. В дальнейшем непримиримые издатели решили связать свой издательский бизнес с политикой. Каждый из них вступил в свою партию (Шейнин — в латвийскую Первую партию, Козлов — в Центр согласия, от которого и стал депутатом Рижской думы), и издательские дома все реже стали публиковать острые материалы, все чаще — комплиментарные статьи политической направленности (контент-анализ русских газет Латвии не является предметом настоящей публикации, но бесспорно заслуживает отдельного разговора).

Таким образом, за последние двадцать лет

- русская газета Латвии, перестав быть советской, стала прессой русской общины с типичной для нее проблематикой;
- оформилось жанровое многообразие газет;
- сформировалась деловая пресса;
- Рига сохранила позиции центра издательства русских газет Латвии;
- оформилась тенденция натиска интернет-изданий на классическую газету, в результате чего тираж и читательская аудитория газет стали стремительно сокращаться, уступая интернет-изданиям, многие из которых строятся по принципам бумажной газеты.

*Сергей Крук
(Рига, Латвия)*

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ЛАТВИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С момента восстановления латвийской государственности в 1991 году этническое и лингвистическое многообразие страны воспринимается как политическая проблема, затрудняющая создание солидарного общества. Людям, переселившимся в Латвию на постоянное место жительства из других советских республик, было отказано в гражданстве, и теперь они должны пройти процедуру включения в социум — интеграцию. Понятие интеграции появилось в политической повестке дня в 1998 году, когда Европейский

союз потребовал сократить число лиц без гражданства как условие начала переговоров о вступлении Латвии в ЕС. Латвийский сейм либерализовал закон о гражданстве, а правительство приступило к разработке Программы интеграции, нацеленной на включение в политическое сообщество постоянных жителей, не принадлежащих к латышской этнической группе.

Концепции интеграции как теоретически и практически стройного текста не существует. Ее принципы фрагментарно и противоречиво изложены в специальных правительственных документах и академических публикациях. Следуя принципам критического дискурс-анализа [28], осуществим аналитическую редискрипцию этих текстовых материалов с тем, чтобы извлечь из них невысказанные смыслы. В этой статье будет показано, что латышские авторы придерживаются двух противоположных подходов к пониманию природы общества. Социо-

логи и политологи трактуют интегрированность как успешное социальное взаимодействие индивидов; роль государства они видят в правовом обеспечении функционирования структур действия и их финансовой поддержке. Сторонники этого подхода рассуждают в рамках эмпирической социологии и либеральной политической философии. Культурологический подход основывается на принципах немецкого историзма XIX века, для которого традиционная община является идеалом социальной солидарности, связывающей индивидов посредством гомогенной культуры. Основной вклад в развитие этого обществоведческого направления вносят лингвисты, чей академический стиль характеризует манипуляция неопределенными и семантически перегруженными терминами, а также приверженность аксиоматическим постулатам в ущерб скрупулезному теоретическому обоснованию.

Оба подхода эклектично перемешаны в документах интеграции, но политической поддержкой всегда пользовалась идея *механической солидарности* на основе этнокультурной и языковой гомогенности, в то время как проекты документов, отражающие контрактный принцип *органической солидарности*, не находили поддержки правительства.

Обзор документов интеграции

Государственная программа «Интеграция общества в Латвии»

Как гласит преамбула документа, утвержденного 6 февраля 2001 года, интеграция направлена на взаимопонимание индивидов и различных групп и их сотрудничество в правовой системе. Основа интеграции — лояльность латвийскому государству, понимание того, что будущее каждого индивида и его личное благосостояние тесно связаны с будущим Латвии, ее стабильностью и безопасностью. Целью Программы является создание демократического, сплоченного гражданского общества, основанного на общих ценностях, а именно на «готовности добровольно принять латышский язык как государственный, уважении языка и культуры латышей и меньшинств». Сохранение традиций, образа жизни, латышской идентичности, обеспечение развития «живой народной силы» гарантируют латышам чувство безопасности и защищенности. Для нелатышей Программа предоставляет политические гарантии: отсутствие угрозы выселения из страны, насильственной ассимиляции и ограничения прав. Государство понимается как символическое выражение стремления народа к национальному

самоопределению. Обретя государственность, латвийский житель должен «сблизиться» с государством, признать его символическое значение. Документ указывает, что латышам необходимо изменить свое отношение к меньшинствам, став более открытыми.

Язык назван символом и инструментом интеграции, хотя инструментальная роль вызывает ряд вопросов. Программа признает, что интегрирующая сторона сама не обладает готовым дискурсивным и практическим опытом, с которым интегрируемые могли бы ознакомиться на латышском языке; кроме того, отсутствуют современные учебники и доступная сеть языковых курсов, что способствовало бы быстрейшему освоению принципов демократии. Много внимания Программа уделяет созданию «единого информационного пространства». Подразумевается, что СМИ на русском языке предоставляют аудитории неадекватную информацию, создавая «параллельное информационное пространство» (Несмотря на распространенность термина «параллельное информационное пространство», его значение нигде не определено. Автор статьи «Конструирование политической истории в параллельных информационно-лингвистических пространствах Латвии» [40] не дает дефиниций даже вынесенных в заголовок понятий «параллельного» и «информационно-лингвистического» пространства.) Программа не предлагает использовать каналы государственного радио и телевидения для передач на русском языке, вскользь говоря о «гибком» распределении эфирного времени для трансляций «на других языках».

Отсутствие ценностных ориентаций и моделей поведения, необходимых для функционирования демократии, призвана компенсировать аксиологическая концепция культуры как целостной структуры, направляющей поведение человека: «Культура является условием формирования творческой, гуманной, национально самостоятельной личности». Результатом успешной интеграции должно стать «общее культурное пространство». Определения этого термина в тексте нет. Политическая культура упоминается в связи с межкультурным образованием; вероятно, имеется в виду толерантное отношение к другим традиционным культурам. Потенциал массовой и популярной культуры документ не рассматривает.

«Лояльность», «вера в латвийское государство» — такие символические конструкции считаются показателями интеграции, но их связь с социальным действием не продемонстрирована. Программа предлагает расширять круг общения в профессиональных и неправительственных организациях, использовать позитивные стимулы, распростра-

нять перспективные идеи и достижения для того, чтобы повысить интерес людей к участию в общественной жизни, а вместе с тем и в межэтническом общении. Такие меры должны дополнить юридическую и экономическую мотивацию латышей, однако проекты, для которых запрашивается финансирование, не предлагают конкретных механизмов их реализации — речь идет только о развитии методик обучения и курсов языка.

*Основные положения политики общественной интеграции
на 2008 – 2018 годы*

Основные положения, разработанные министерством по делам интеграции, должны были стать продолжением заканчивающейся Программы 2001 года. Авторы нового документа предложили принципиально иной подход, отказываясь от лингвистического и культурного детерминизма. Главной задачей интеграции называется укрепление демократического и гражданского общества, а также правовое обеспечение равных возможностей участия в общественной, политической и экономической деятельности страны. Этническая культура потеряла структурообразующую функцию в жизни государства. Речь в документе идет о мультикультурализме как принципе сотрудничества этнических групп. Именно эта идея стала главной мишенью нападков противников политической интеграции. Заявив, что мультикультурализм противоречит сути национального государства, министр культуры заблокировал принятие проекта.

*Основные положения политики общественной интеграции
на 2010 – 2019 годы*

Основные положения, разработанные в 2009 году, тоже не были утверждены правительством. Авторы проекта считают, что культура второстепенна для интеграции; сохранение этнической идентичности они трактуют как «только одну из задач интеграции». Традиционная латышская культура уступила место межкультурному диалогу. Такая двусторонняя модель интеграции позволяет критически оценивать категории культур с точки зрения их функциональности для социальной организации современного общества. Вероятно, авторы подразумевали, что латышская и русская культурные традиции содержат безразличные или дисфункциональные для демократии элементы.

*Основные положения политики национальной идентичности,
гражданского общества и интеграции на 2012 – 2018 годы*

В результате сокращения аппарата правительства вопросы интеграции были переданы в ведение министерства культуры. Подготовленные здесь Основные положения были приняты правительством 20 октября 2011 года. Документ комбинирует универсализм просвещения и этнокультурный партикуляризм контрпросвещения. Нацию и национальное государство документ определяет через этническую культуру. Набор культурных черт, а не гражданство обеспечивает политические права: латыши, являющиеся гражданами других стран, тоже включаются в категорию латвийского народа, который конституция наделяет суверенной властью в государстве.

Понятия национального (этнического) и демократического фактически противопоставлены: «Гражданское общество способствует сплочению нации как на основе национальных, так и демократических ценностей». Признавая гражданскую пассивность, аполитичность латышей, авторы документа требуют «укреплять связь между латышской и европейской идентичностью». Формулировка признает ограниченность традиционной этнической идентичности, поскольку «европейское» в контексте документа совпадает с идеалами просвещения. Но целью интеграции называется этнокультурный национализм: интегрированное общество — это «национальная и демократическая община, которая обеспечивает сохранение и обогащение своей объединяющей основы — латышского языка, культуры и национальной идентичности, европейских демократических ценностей, уникального культурного пространства — во имя уравновешенного развития национального демократического латвийского государства». Особо подчеркивая роль профессионального искусства, документ не только не объясняет, каким образом культура обеспечивает развитие государства, но даже признает, что вообще отсутствует понимание того, как именно учреждения культуры и профессиональное искусство можно использовать для интеграции.

Неспособность эксплицитовать связь между культурой и действием привела к необходимости ввести новый детерминант поведения — социальную память, которую должна «правильно организовывать» государственная политика памяти. Кроме того, планируется увеличить вмешательство государства в личную жизнь, законодательно регулируя использование языка в частной сфере.

Язык в латышской теоретической традиции

Лингвистический релятивизм

Хотя государственный язык и является краеугольным камнем политики общественной интеграции, лингвисты не объясняют, как язык связан с социальным действием. Латышское языкознание предпочитает дескриптивный метод, не проявляя научного интереса к проблемам социальной жизни языка. В академических публикациях прямо или косвенно язык трактуется в традиции Гердера – Гумбольдта как сакральный инструмент, проявление божественного духа: каждый язык детерминирует особую картину мира нации как коллективный исторический опыт и именно его посредством индивидуальное это связано с другими. Но латышские теоретики лингвистической интеграции не могут эксплицировать природу социального взаимодействия. Профессор Ина Друвиете пытается это сделать с помощью понятия коллективной идентичности. Она пишет, что «лингвистическая идентичность занимает особое место в комплексе идентичностей», но теоретически не обосновывает свое заявление. Друвиете не только не дает дефиниций ключевых понятий «лингвистическая идентичность» и «особое место», на которых основывается интеграционная политика, но и вообще уклоняется от дискуссии на выбранную тему – вопреки заголовку «Различные факторы лингвистической идентичности» в статье она рассуждает об экологии разнообразия языков [14, l. 53].

Развернутые рассуждения можно обнаружить в монографии социолингвиста Винеты Порини, посвященной двуязычию [35]. Пожалуй, это единственная объемная книга, прямо затрагивающая тему языка и интеграции, хотя приверженность немецкому историзму приводит автора к упрощенным и противоречивым выводам. Идею о языке как инструменте социальной категоризации Пориня развивает до лингвистического релятивизма: язык является важным инструментом этнической категоризации, так как с его помощью этническая группа закрепляет свои границы [35, l. 27, 50]. Коль скоро он неизбежно и прямолинейно детерминирует этническую группу, то основной социальной идентичностью становится этническая. Нелатыши должны вернуться к своей врожденной белорусской, татарской или армянской идентичности и освоить язык предков, а не общаться с родственниками и соотечественниками по-русски. Политическая идентичность может следовать только за врожденной: «Этнические группы, не имеющие лингвистической идентичности, угрожают латвийской политической нации» [Ibid, l. 134].

Реэтнизация общества создает новые барьеры для коммуникации. Преодолеть их и сформировать гражданское общество должно изучение государственного языка — так считает Пориня. Но каким же образом этнический партикуляризм превратится в универсализм гражданского общества, если функция языка как инструмента категоризации заключается в обозначении межгрупповых границ, а этническая идентичность является основой социальной рефлексии индивида?

«Историцистская» лингвистика постулирует, что язык создает свою реальность. Освоить язык — значит получить ключ к картине мира и культуре нации [2]. Поскольку язык как форма совпадает с содержанием [6], то изучение латышской лексики и грамматики позволит русским автоматически поменять свои когнитивные карты. Слияние формы с содержанием подразумевает, что язык может выразить только одно мнение об окружающей действительности и общение на этом языке свободно от ошибок, недоразумений, заблуждений. Будучи носителем уникальной картины мира, ментальных структур мышления и поведения, язык изоморфен социальному действию. Отсюда уверенность в том, что с помощью языковой политики можно создать однородный социум: «Государственный язык является краеугольным камнем однородного общества» [27, л. 4]. Информация на другом языке вредит обществу, поэтому она должна быть тщательно отфильтрована [48, л. 26], а Рижская высшая школа экономики закрыта потому, что английский как язык обучения, не имеющий в Латвии культурного фундамента, содействует проникновению в страну космополитических ценностей [23, л. 158]. Следует заметить, что подобные дилетантские высказывания не включаются в резюме статей и переводные издания монографий на английском языке.

Идеальный язык

Другое направление лингвистики более стройно обосновывает роль языка как инструмента интеграции, хотя и делает это исходя из упрощенных теоретических предпосылок. Речь идет об объективизме младограмматиков. Эта школа языкознания сохраняет в Латвии прочные позиции с момента ее основания крупнейшим лингвистом Янисом Эндзелинсом (1873 — 1961) в 1920-х годах. Язык видится как набор универсальных, поддающихся строгой классификации формул, как номенклатура имен предметов и феноменов реальности. Грамматика представляет собой каркас, заполняемый словами [36; 41; 42]. «Однородная конгруэнтность формы и содержания» позволяет языку служить моделью общественного устройства [6, л. 5]. Редуцирование смыс-

ла до денотации делает ненужным активное участие собеседников в процессе семиотизации — преобразования реальности в знаки и обнаружения смысла в знаке. От них требуется лишь знать имена предметов и правила литературной нормы, позволяющие соединять знаки в предложения. Следование правилам облегчает мышление и обеспечивает безукоризненную передачу мысли из одного сознания в другое, поэтому законы языка должны быть обязательными для исполнения точно так же, как и юридические нормы [41].

Такой подход к вербальному общению игнорирует важные когнитивные категории, контролирующие производство дискурса и интеракцию: осведомленность, рефлексивность, интерпретации, правила, намерения, цели, планы, убеждения, знания, субъективные конструкции контекстов [9]. Само по себе знание языка еще не гарантирует эффективность обмена информацией — в процессе общения стороны ориентируются друг на друга и на знак, учитывая контекст события. Латвийское языкознание исключает говорящего субъекта из языка [32], что в программе интеграции приводит к пренебрежению социальным действием и акторами, которые представляются полностью детерминированными структурой текста. В этом проявляется еще одно сходство с немецким историзмом. Модель воспитания *Bildung* подразумевает, что читатель может воспроизвести или пережить опыт или ценности, вложенные в текст автором.

Власть текстualityности

Исследуя письменные тексты вне дискурсивных контекстов их производства и употребления, лингвисты приписывают прочитанные ими смыслы всей аудитории и полагают, что тексты прямо воздействуют на убеждения и поступки. Это позволяет остро критиковать содержание прессы на русском языке, не обращая внимания на поведение людей. Прессу осуждают за распространение «неадекватной информации о событиях в стране» и «альтернативных мнений» [26, л. 153; 27, л. 326]. Возможность предоставления на русском языке информации, содействующей развитию государственности, исключается. Вместо этого предлагается ужесточение юридических норм и контроль спецслужб над русской прессой [12; 35].

Количественный анализ содержания лингвисты никогда не проводили, а интерпретацию они основывают на предубеждениях, но не на качественной методологии. Пориня утверждает: «Латвийские СМИ на русском языке не отражают мнение меньшинств, а скорее влияют на него и создают его, например, в связи с реформой билингвального об-

разования. Поэтому их нельзя считать объективными источниками информации по вопросам языковой и национальной политики» [35, л. 118]. Социологи и политологи, однако, указывают на грубые просчеты в политике образования. Анализ парламентских дебатов и выступлений политиков в СМИ показывает, что взаимное недоверие культивирует политический дискурс, который использует этническую и лингвистическую категоризацию как инструмент мобилизации электората [45; 53]. Интервью с фокусными группами лишней раз убеждают, что читатели интерпретируют медийную информацию, сопоставляя ее с личным опытом [30].

Результаты интеграции

Устойчивость этнической категоризации

«Чтобы говорить на одном языке в переносном смысле, нужен общий язык в прямом смысле слова», — считает Друвиете [13]. «Этот аргумент ставит телегу перед лошастью, поскольку предполагает, что язык является ключом к интеграции, хотя на самом деле интеграция — ключ к овладению языком», — придерживается противоположного мнения бельгийский лингвист Хуго Бетенс Бердсмор [5, р. 23]. Канадский психолог Джон Эдвардс, специализирующийся в области социального использования языка, утверждает, что его место в групповой идентичности — вопрос политический: язык обозначает границу группы как символ принадлежности, а не как инструмент общения [17, р. 109]. Латвийский опыт подтверждает обоснованность этих замечаний. Этническая принадлежность остается важным критерием категоризации индивидов. Если в середине 1990-х годов свободно устно по-латышски могли изъясняться 40 % представителей меньшинств, то в 2008 — 69 % [56]. Но владение языком не стало лифтом в сектор государственного управления, который продолжает сохранять этническую гомогенность [4; 8]. Даже безупречные билингвы не могут изменить свою социальную категоризацию — латышский язык предлагает только два ярлыка групповой принадлежности: «латыши» (этническая категория) и «русскоязычные». Латышей характеризует стремление к замкнутости и ощущение внешней угрозы, они менее открыты для контакта с представителями других этнических групп [7; 44; 45; 53]. Поэтому язык не может быть главнейшей предпосылкой интеграции, как полагает директор Государственной программы обучения латышскому языку Айя Янелсиня-Приедите [25].

Языковые отличия играют важную роль в создании и поддержании тонких границ власти, статусов, ролей и профессиональных специализаций [22, р. 6–7]. Если этническая принадлежность имеет большое значение, то речевые нюансы – акцент, употребление идиом – будут продолжать поддерживать межгрупповые границы. К тому же лингвисты пытаются сохранить способность языка маркировать социальную принадлежность, подчеркивая, что только «развитый», «качественный» латышский язык может быть инструментом интеграции [13; 15; 48]. Это замечание направлено против разговорной речи, к которой, как пишет Винета Эрнстсоне, латышское языкознание всегда относилось уничижительно [18]. Она обращает внимание на то, что языковые курсы не развивают навыков коммуникации. Выпускники неохотно пользуются латышским языком потому, что не ознакомлены с контекстами живого общения, а также из-за привитого комплекса гиперкорректности.

Теперь лингвисты не настаивают столь категорично на том, что язык является главным показателем интеграции. Качество языка снижается, когда на нем говорят много других [34], в то время как в обязанности латышей входит обеспечение его сохранности [14, л. 58]. Школы с латышским языком обучения неохотно принимают русских детей, поскольку большинство учителей не готовы с ними работать, считая их присутствие в классе проблемой [1]. Базой коллективной идентичности становится «латышское культурное пространство». Основные положения 2012–2018 годов определяют его как инвентарную ведомость: «язык, среда, материальная и нематериальная культура, социальная память и стиль жизни (традиции, символы, исторические события, исторические персонажи, общие представления, праздничные дни, наследие искусства и творчество, стиль коммуникации, природа и отношение к природе, веками создаваемая культурная среда, топонимы, строительные традиции, восприятие цвета и т. д.)».

Незавершенность перечня оставляет возможность исключения индивида из-за неполного соответствия культурному стандарту, внезапно обнаружившемуся при дополнении списка новыми феноменами. Похоже, что такой подход – главная функция культуры. Историк Илзе Болдане отмечает, что в конце XIX века латыши боролись за равенство в сфере социальных, культурных и экономических прав, в то время как сфера культурного наследия использовалась для формирования отличия от других групп [7]. Культура как профессиональное искусство позволяет равняться на развитые, «культурные» нации, а культурно-историческое наследие – отличаться от соседних этносов. Концепция интеграции настаивает на фетишизме культуры как различении.

Заинтересованность в совместном действии

По утверждению автора Программы интеграции социолога Элмарса Веберса, незнание латышского языка изолирует граждан от политических процессов, затрудняя их участие в жизни государства [49, л. 63]. Но и поведение латышей не соответствует ожиданиям демократии. Латышская картина мира, которую другие должны обрести вместе с языком, сама по себе не является идеальным эскизом демократии и социальной солидарности. Гражданская активность населения крайне низка. Об упрощенном понимании механизмов и ценностей демократии свидетельствует дискурс политической элиты [51].

Концепцию интеграции этнических меньшинств и политическую пассивность следует рассматривать в свете представлений о социальной солидарности. Документы 2001 и 2012 года упоминают понятие гражданского общества, но не представляют механизма его моздания. Цель первого документа — добиться «сближения индивидов и государства», второго — «создавать устойчивую связь между индивидом и государством, умножать ответственность людей за общество, в котором они живут». Эти формулировки не предусматривают публичной сферы, находящейся между частным сектором и государством. Предполагается, что индивиды стремятся к максимизации частных интересов, ведущей к росту напряженности в межличностных и межгрупповых отношениях, а поскольку они неспособны к самоорганизации, то государство должно контролировать социальное поведение — на это указывают контексты употребления слова «общество» в парламентских дебатах. Коннотации организованности и порядка относятся к слову «народ», обозначающему этнокультурную общность [24]. Таким образом, именно традиционная культура воспринимается как гарант социальной солидарности.

Совместное действие (к чему стремится интеграция) предполагает заинтересованность со стороны участников, которую можно вырабатывать и проявлять дискурсивно. Но эмпирические данные указывают на недостаток дискурсивной компетенции. Социологи констатировали высокий индекс догматизма: большинство латышей и нелатышей видят мир черно-белым, убеждены в существовании одной единственной правильной точки зрения; только четверть респондентов демонстрирует свободное мышление и готовность принять другие взгляды [44, л. 78]. Проект единой социальной памяти, разработанный в Основных положениях 2012–2018 годов, исключает плюрализм мнений в эт-

нической группе. Из «латышской памяти» исключены левый, технократический, космополитический дискурсы и связанные с ними достижения. Авторы Основных положений, отвергнутых правительством в 2008 году, признавали плюрализм взглядов, обоснованный различным историческим опытом. Для социальной солидарности достаточно лишь снизить конфронтацию противоречивых интерпретаций событий прошлого, а не навязывать один нарратив.

Дискурс-анализ коммуникативных ситуаций, затрагивающих конфликтные вопросы, констатирует эристический характер диалога, не обремененного рассудительной логикой [31; 43]. Взаимные эмоциональные нападки на личность оппонента поддерживают противостояние сторон, которые жалуются и негодуют, зачастую достигая театрального эффекта. Хотя такое вербальное поведение накаляет страсти, а не отвечает на вопросы, оно бывает полезно для дискуссии. Свободно выразив затаенное недовольство, собеседники могут перейти к рассудительному диалогу, сопоставить свои взгляды на вещи. Тем не менее, судя по политическому и медийному дискурсам, политические коммуникаторы не открыты для изменения своей позиции, продолжая вербальное противостояние.

Герберт Кларк, основываясь на теории справедливости и понятии лица, разработал дискурсивную модель заинтересованности в совместном действии [9, р. 289–295]. Для ограничения эгоистической максимизации индивидуального интереса социальные группы создают системы справедливого распределения затрат и выгоды. Справедливость может быть восстановлена 1) требованием компенсации потерь; 2) переоценкой потерь; 3) таким определением ситуации, в котором потеря выглядит справедливой. Теория справедливости предполагает, что люди пытаются избежать страданий, причиняемых несправедливостью. К страданиям приводит потеря лица — позитивного образа или уважения, которое человек требует к себе от других в соответствии с совершенными им в процессе общения действиями. Люди могут поддерживать, обрести или потерять лицо, но любое изменение вызывает эмоции.

Медийный и политический дискурсы не только не разрабатывают принципов справедливости, воспроизводя культурную травму, но и представляют негативное лицо оппонента. Это отталкивает русских читателей от латышских масс-медиа: их аудитория не увеличилась за счет освоивших латышский язык, хотя именно в этом заключалась функция государственного языка как инструмента интеграции. Судя по данным опросов, произошло обратное — среди причин отсутствия

интереса к латышской прессе все чаще называется «личное убеждение» [56]. Стилль русской прессы вызывает неприязнь латышской аудитории, о чем здесь уже упоминалось. Стороны не могут приступить к дискурсивному разрешению воспринятой несправедливости.

Иначе обстоят дела в межличностном общении, где собеседники избегают этнической напряженности. К сожалению, о том, как это происходит, можно судить только на основе личных наблюдений и данных некоторых опросов [39; 44]. У нас не проводилось этнометодологических исследований того, как индивиды актуализируют этническую принадлежность и какими методами они пользуются для осуществления действий и отчета о них.

Этнометодология фокусируется на роли интерсубъективности и обсуждении «общего контекста», полагая, что индивиды хорошо осознают производимые ими социальные события [21]. Этнолингвистический детерминизм игнорирует непосредственный опыт, накопленный в повторяющихся ситуациях взаимодействия. Так, Пориня утверждает, что «экономический прогресс наиболее выражен в лингвистически гомогенных странах, где использование одного языка облегчает коммуникацию, имеющую большое значение для экономических связей» [35, l. 84]. Эмпирическое исследование, однако, показывает, что бизнесмены легко преодолевают языковые барьеры. Поскольку они нацелены на сотрудничество и взаимопонимание, то выбор языка общения диктует необходимость получить полноценную информацию, а не навязать свой язык [19, p. 250–251]. Вопреки установке лингвистов доля латышей, полагающих, что свободное владение русским языком важно, увеличилась с 62 до 74 % в период с 1997 по 2008 год, о необходимости английского языка говорят примерно 80 % респондентов [56, l. 48].

Заинтересованность в совместном действии в частной сфере не снимает напряженности в сфере публичной коммуникации, ставя человека перед необходимостью маневрировать между противоречивыми системами убеждений. «На бытовом уровне конфликта нет. Открываешь газету – есть, закрываешь – нет! Включаешь телевизор – есть! Приходишь на работу – нет!», – такая типичная констатация когнитивного диссонанса прозвучала в фокусной группе [55, p. 88]. Сохраняется диссонанс из-за отсутствия навыков решения конфликтов в рассудительном диалоге, предпосылкой которого являются правила коммуникации. Соглашение о них не находится в сфере языка и языкознания – это вопрос социальных структур, регулирующих санкции и награды. Суть интеграции, таким образом, заключается не столько в знании языка, сколько в понимании дискурсивных правил и заинтересованности их соблюдать.

Приоритет этнокультурной идентичности означает полное принятие традиции, хотя она культивирует дисфункциональные коммуникативные модели. По крайней мере, информанты Илзе Болдане их воспринимают как неотъемлемую часть этнокультурной идентичности [7]. Во-первых, они воспроизводят культурную травму, тематизированную вокруг лишения государственности в 1940 году. Так же и публичный дискурс меланхолическое проживание боли предпочитает одномоментному ее переживанию в трауре (о меланхолии и трауре см. [20]). Меланхолик не может восполнить утрату, потому что не понимает, чего же именно он лишился. Журналист популярной националистической газеты заметил, что, рассказывая о причиненных русскими бедах, читатели ссылаются на газетные публикации, но не на свой опыт [33]. А для исцеления культурной травмы необходим самостоятельный пересмотр собственного опыта. Во-вторых, то, что информанты называют латышским стилем коммуникации, усугубляет социальную пассивность. Дистанцированность, замкнутость, приспособление к собеседнику, избегание дискурсивных конфликтов затрудняют взаимодействие с незнакомыми людьми, так как оправдывают различие между словом и делом.

Как уже было упомянуто, по мере исполнения Программы ее авторы осознали, что латышский язык и традиционная культура сами по себе не регулируют поведение. Фактором интегрированности теперь чаще называется ментальность, принадлежность «латышскому культурному пространству». Речь идет о само собой разумеющемся знании — типизациях и определениях, обосновывающих ожидания, вокруг которых организованы ежедневные действия [38]. Инсайдер переживает это как поле настоящей и возможной деятельности и только во вторую очередь как объект для размышлений. Знание не систематизируется по научным методикам, а организуется исходя из принципа соответствия действиям — человек не старается все основательно изучить, а отдает предпочтение только некоторым полезным элементам [3]. Это знание не всегда доступно с помощью языка.

Концепция интеграции предпочитает дискурсивное сознание практическому, полагая, что публицистика и литература помогут узнать латышский образ жизни и приведут к новой организации опыта. Понятие сплоченного общества предполагает совершение индивидами рекурсивных действий, что делает социальные отношения прогнозируемыми. Социологические исследования демонстрируют ограниченность этнокультурной самоидентификации. Этническая принадлежность имеет значение для 53 % латышей, 30 % русских и 24 % представителей других этносов [54, p. 30]. Хотя среди латышей этот показатель и намного выше, он все-таки недостаточен для того, чтобы гово-

речь о единообразии картины мира. Молодые латвийцы оперируют несколькими идентичностями — на это влияет место проживания, уровень образования, социальная активность, а не только национальность [37]. Взаимопониманию поверх этнических барьеров помогает общий интерес к глобальной популярной культуре. Сотрудничая в производстве культуры и ее интерпретаций, молодые люди озабочены качеством, эстетической ценностью, новизной своего произведения, но не языком и этничностью партнера. Более того, коль скоро такие инициативы не получают государственного финансирования, то логика рынка мотивирует организаторов расширять аудиторию, актуализируя общие предпочтения и даже поощряя на своих мероприятиях двуязычие [29].

Вне зависимости от этнической принадлежности латвийцы разделяют территориальную, социально-политическую и экономическую составляющие национальной идентичности; латыши в отличие от других гораздо больше значимости придают ее культурологическим составляющим — психологическому восприятию (гордость за страну, ее символы), отношению к этнической культуре и языку, а также историческим нарративам и мифам [52]. На основе этнографических наблюдений Даце Дзеновска сделала вывод, что в публичной жизни латыши и русские демонстрируют одинаковое поведение и навыки взаимодействия. Она объясняет это общей советской социализацией. Поэтому этническая и языковая категоризация индивидов не является свидетельством их социально-политических предпочтений [16].

Концепция интеграции актуализирует этнически маркированные различия, пренебрегая общими ценностными ориентациями. Пожалуй, это стало причиной того, что вопреки замыслам Программы интеграции на практике упор делался на административные методы и юридические ограничения, а не на развитие системы обучения языку [10, р. 96]. Билингвальное образование в русских школах было введено в спешке, без консультаций с представителями заинтересованных сторон и при отсутствии четкого определения целей и индикаторов [53]. Принуждение получает даже теоретическое обоснование. Так, социолингвист Пориня своеобразно адаптировала пирамиду иерархии потребностей Абрахама Маслоу для педагогических целей: она предлагает лишить русскоязычное население доступа к удовлетворению физиологических потребностей, чтобы мотивировать их изучать латышский язык [35, л. 28 – 29].

Программа развития ООН и институты Евросоюза финансировали разработку принципиально иной системы обучения. Под руководством Айи Янелсини-Приедите, учившейся и работавшей в универси-

татах Швеции и ФРГ, была создана методика преподавания латышского как второго языка (до сих пор в основе учебников для русских были методики преподавания латышского как родного языка). В обучение введены игровые элементы и разговорная речь, созданы интерактивные методы для разных профессиональных групп, издавалась еженедельная двуязычная газета, помогавшая учащимся осваивать социально-политическую лексику... Социолингвисты, работающие в институтах, финансируемых из государственного бюджета, не признают этот педагогический метод, популяризуя приемы юридического принуждения [47].

Выводы

Программа интеграции не была выполнена. Эксперты это объясняют отсутствием политической воли и плохой организацией работы государственных институтов [11; 51; 53]. Эрозия традиционной латышской общины, что косвенно признает академический дискурс, создала дополнительные трудности для включения в общество других, а политическая поддержка культурологического подхода изначально обрекла эту миссию на неудачу. Его сторонники стремятся к восстановлению механической солидарности, основанной на гомогенности индивидов, связанных языком и культурой. Культурологи озабочены тем, как социально пассивные субъекты государства воспроизводят символические формы этнокультурной нации. Политологи и социологи отстаивают понятие политической нации. Исходя из принципа социальной дифференциации и индивидуализации, они говорят о вовлечении индивидов в социальное действие, что согласуется с принципами органической солидарности современного общества.

Теоретическое обоснование культурологического подхода в этой статье реконструировано на базе публикаций лингвистов. Понимая общение как акт механической передачи смыслов, они полагают, что его эффективность зависит только от выбора языка, а посему уже сам факт обмена информацией на государственном языке создает идеальную коммуникативную ситуацию. Это позволяет некритично подходить к особенностям производства латышских дискурсов, одновременно отвергая дискурсы на русском языке как искажающие реальность. Исполнители политики интеграции не обращают внимания на уникальный контекст создания дискурса как на проживаемую человеком социальную реальность здесь и сейчас.

Политические документы существенно не способствовали достижению взаимопонимания и сотрудничества как цели интеграции — к

такому выводу приходит социолог Айварс Табунс. «Интеграция осуществлялась главным образом в результате неполитической деятельности, хотя СМИ и тормозили этот процесс» [46]. Недостатком теоретической разработки концепции интеграции является отсутствие интереса к этнометодологическим исследованиям ситуаций межэтнического общения. Возможности интерсубъективного конструирования заинтересованности в совместном действии гораздо шире и контексты взаимодействия более разнообразны, чем концепция это представляет в парадигме механической солидарности.

Список литературы

1. *Аустерс И., Голубева М. и др.* Многообразие входит в латышские школы: дети национальных меньшинств в латышских школах. Рига, 2006.
2. *Друвиете И.* Функционирование и статус латышского языка // Коммунист Советской Латвии. 1988. №12. С. 45–51.
3. *Шюц А.* Чужак // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
4. *Apine I.* Etnopolitikas analīze // Pretestība sabiedrības integrācijai: cēloņi un sekas. Rīga, 2007.
5. *Baetens Beardsmore H.* Who is afraid of bilingualism? // Bilingualism: Beyond Basic Principles. Clevedon, 2003.
6. *Blinkena A.* Esiet viens, un būsi stipri! // Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi. 2009. №4. L. 5–12.
7. *Boldāne I.* Latviešu etniskā identitāte un tās loma sabiedrības integrācijas procesā Latvijā // Pretestība sabiedrības integrācijai: cēloņi un sekas. Rīga, 2007.
8. *Brands-Kehris I.* Citizenship, Participation and Representation // How integrated is Latvian society? Rīga, 2010.
9. *Clark H.* Using Language. Cambridge, 1996.
10. *Diatchkova S.* Ethnic Democracy in Latvia // The Fate of ethnic democracy in post-communist Europe. Budapest, 2005.
11. *Dribins L.* Sabiedrības integrācijas tendences un prettendences Latvijā un Igaunijā // Sabiedrības integrācijas tendences un prettendences, Latvijas un Igaunijas pieredze. Etnisko attiecību aspekts. Rīga, 2008.
12. *Druviete I.* Latvijas valodas politika Eiropas Savienības kontekstā. Rīga, 1998.
13. *Druviete I.* Valodas politiskā loma sabiedrības integrācijas procesā // Integrācijas un etnopolitika. Rīga, 2000.
14. *Druviete I.* Lingvistiskās identitātes daudzveidīgie aspekti // Latviešu valoda – robežu paplašināšana. Rīga, 2005.
15. *Druviete I.* Latviešu valodas attīstība un standartizācija // Latviešu valoda 15 neatkarības gados. Rīga, 2007.
16. *Dzenovska D.* How to Be a Minority: The Politics of Conduct and Difference in the New Europe (в печати).
17. *Edwards J.* Challenges in the Social Life of Language. Basingstoke, 2011.

18. *Ernstson V.* Ikdienas runas normas pedagoģiskie aspekti // Valoda-2001. Humanitārās fakultātes XI zinātniskie lasījumi. Daugavpils, 2001.
19. *Ernstson V.* Dynamics of Language Proficiency and Use in Latvia // Break-out of Latvian. A sociolinguistic study. Rīga, 2008.
20. *Freud S.* Mourning and Melancholia // The Standart Edition of the Complete Psychological works of Sigmund Freud. Vol. 14. L., 1957.
21. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, N. Y., 1967.
22. *Gumperz J.* Discourse Strategies. Cambridge, 1982.
23. *Hirša Dz.* Valsts valodas politikas pamatvirzieni Latvijā // Pilsoniskā apziņa. Rīga, 1998.
24. *Ījabs I., Kruk S.* Saeima, vārdi un demokrātija. Rīga, 2008.
25. *Janelsiņa-Priedīte A.* Latviešu valodas apguves valsts programmas nozīme sabiedrības integrācija // Pilsoniskā apziņa. Rīga, 1998.
26. *Joma D.* Latvijas iedzīvotāju lingvistiskā attieksme // Latviešu valoda 15 neatkarības gados. Rīga, 2007.
27. *Joma D.* Latvijas iedzīvotāju attieksme pret izglītības reformu (1998–2004) // Latviešu valoda 15 neatkarības gados. Rīga, 2007.
28. *Jørgensen M., Phillips L.* Discourse Analysis as Theory and Method. L., 2002.
29. *Kalniņa A., Sūna L.* Kultūra un sabiedrības integrācija // Sabiedrības integrācijas tendences un prettendences, Latvijas un Igaunijas pieredze. Etnisko attiecību aspekts. Rīga, 2008.
30. *Kļave E.* Etnopolitisko diskursu analīze: valodas kopienu varas attiecības Latvijā. Rīga, 2010.
31. *Kruk S.* Politisko aktoru diskvalifikācija publiskajā diskursā // Latvijas Universitātes raksti. Komunikācija. 2002. № 648. L. 196–226.
32. *Kruk S.* Evicting the Speaking Subject: A Critique of the Latvian Concepts of Language // Journal of Baltic Studies. 2011. № 4. P. 447–463.
33. *Lemešonoks D.* Nacionālisms 5D // Delfi. lv. 2012. 24 feb.
34. *Nītiņa D.* Modernā cilvēka valoda. Rīga, 2004.
35. *Poriņa V.* Valsts valoda daudzvalodīgajā sabiedrībā: individuālais un sociālais bilingvisms Latvijā. Rīga, 2009.
36. *Rozenbergs J.* The Stylistics of Latvian. Rīga, 2004.
37. *Rungule R., Koroļova I., Sniķere S.* Jauniešu iekļaušanās analīze identitātes un līdzdalības diskursu kontekstā // Sabiedrības integrācijas tendences un prettendences, Latvijas un Igaunijas pieredze. Etnisko attiecību aspekts. Rīga, 2008.
38. *Schütz A., Luckmann T.* The structures of the life-world. Evanston, IL, 1973.
39. *SKDS.* Uzskati par starptautiskajām attiecībām Latvijā: Latvijas iedzīvotāju aptaujas rezultātu apkopojums. Rīga, 2005.
40. *Skudra O.* Politiskās vēstures konstrukcijas Latvijas paralēlajās informatīvi lingvistiskajās telpās // Latvijas Arhīvi. 2006. № 4. L. 138–160.
41. *Skujiņa V.* „Valodā nav likumu” (Igoris Šuvajevs) jeb Filozofs pret valodas mugurkaulu // Labrīt. 1994. 25 okt.
42. *Skujiņa V.* Nacionālās valodas noturīguma pamati gadsimtu gaitai // Linguistica Lettica. 2001. № 8. L. 5–14.

43. Šulmane I., Kruk S. Neiecietības izpausmes un iecietības veicināšana Latvijas presē 2004. gadā. Rīga, 2006.
44. Šūpule I., Krastiņa L. et al. Etniskā tolerance un Latvijas sabiedrības integrācija. Rīga, 2004.
45. Šūpule I., Zepa B. Etniska apdraudētība kā dzīves kvalitātes aspekts // Dzīves kvalitāte Latvijā. Rīga, 2006.
46. Tabuns A. Identity, ethnic relations, language and culture // How integrated is Latvian society? Rīga, 2010.
47. Valodas situācija Latvijā: 2004 – 2010. Rīga, 2011.
48. Valsts valodas politikas pamatnostādnes 2005. – 2014. gadam // Guidelines of the State Language Policy for 2005 – 2014. Rīga, 2005.
49. Vēbers E. Valstiskā apziņa politiskās nācības struktūrā // Pilsoniskā apziņa. Rīga, 1998.
50. Vēbers E. Vai teiksim ardievas sabiedrības integrācijai? // Pretestība sabiedrības integrācijai: cēloņi un sekas. Rīga, 2007.
51. Zepa B. Demokrātijas diskursi mūsdienų Latvijā // Akadēmiskā Dzīve. 2008. №45. L. 13 – 20.
52. Zepa B., Kļave E. Latvija. Pārskats par tautas attīstību, 2010/2011. Nacionālā identitāte, mobilitāte un rīcībspēja. Rīga, 2011.
53. Zepa B., Lāce I. et al. The Aspect of Culture in the Social Inclusion of Ethnic Minorities. Flensburg, 2006.
54. Zepa B., Šūpule I. et al. Ethnopolitical tension in Latvia: Looking for the conflict solution. Rīga, 2005.
55. Zepa B., Šūpule I. et al. Integration Practice and Perspectives. Rīga, 2006.
56. Zepa B., Žabko O., Vaivode L. Valoda. Atskaite. 2008. Rīga, 2008.

ЗНАКИ ИСТОРИИ

Время Корфа — эпоха революционных потрясений, когда вопрос о принципах государственного устройства затрагивал сущностные основы власти. Являясь свидетелем перемен начала века, он до последнего оставался безразличным к судьбе России, последовательно отстаивая точку зрения, что вековые конфликты российских народностей могут быть «умиротворены лишь согласно великому началу национального самоопределения, а таковое лучше всего удовлетворяется принципам федерализма»

Е. Петров

Евгений Петров
(Санкт-Петербург)

С. А. КОРФ — ПОСЛЕДНИЙ И. О. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО

Девятнадцатого апреля 1924 года на имя руководства Школы дипломатической службы Джоржтаунского университета поступило письмо от имени Русской академической группы в Эстонии за подписью А.Я. фон Поппена со словами соболезнования по случаю ухода из жизни в США одного из видных представителей русского зарубежья барона Сергея Александровича Корфа [1]. В скупых строчках текста говорилось о невосполнимой потере и безмерной скорби коллег и соратников. Отдельные слова утешения предназначались в адрес вдовы Корфа Алетты ван Рейпен.

О трагической утрате близкого человека говорили американские коллеги Сергея Александровича Корфа. *In memoriam* официально значилось, что «8 марта 1924 г. сердце С. А. Корфа, не выдержав чрезмерного физического и эмоционального перенапряжения, остановилось». Это случилось, когда С. А. Корф находился на рабочем месте — за кафедрой аудиторией Школы дипломатической службы в Вильямстауне. Его друзья вспоминали позже, что он выглядел совершенно здоровым человеком, а в то злополучное утро «были поражены его живостью и общительностью» [2]. Ноты глубокой скорби в течение многих месяцев приходили из разных уголков мира — школ и университетов. Коллеги Корфа отмечали, что смерть отобрала блестящего ученого и вы-

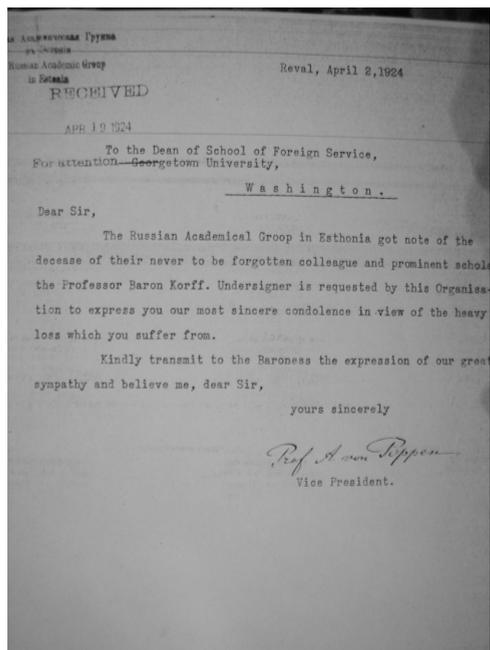

Рис. 1. Соболезнования членов Русской академической группы в Эстонии по случаю смерти барона С. А. Корфа [2]

дающего наставника-педагога. Чарльз Хейзен¹ на гражданской панихиде в память о Корфе сказал: «В его симпатиях и взглядах он был намного более американцем, чем многие из нас. Об Александре Гамильтоне говорили, что он "боготворил" Европу. Барон Корф не только "боготворил" Америку, он по праву считал себя ученым американо-русского мира». Его жена — баронесса Алетта Корф (Aletta Korff) — в письме декану Школы дипломатической службы Вильяму Ф. Нотцу (William F. Notz)² очень точно передала отношение Сергея Александровича к своим педагогическим обязанностям. Она писала: «Вы знаете, как он любил свою работу и гордился своими "мальчишками". Он был безмерно

счастлив, когда они присылали ему свои труды, и с нескрываемой гордостью рассказывал мне о назначениях на государственную службу, которые они получали. Первые годы, проведенные в Америке, были удручающими и трудными, но в дальнейшем мой муж, начав работать в Школе дипломатической службы, почувствовал, что может принять действенное участие в жизни Америки и в то же время послужить верой и правдой интересам своей страны. <...> По прошествии времени он нашел много возможностей для плодотворной работы, которую старался делать, как никто из нас. Он постоянно размышлял, много

¹ Чарльз Доунер Хейзен (Charles Downer Hazen, 1868–1941) — известный американский историк, автор работ «Contemporaneous American Opinion of the French Revolution» (1897), «Europe Since 1815» (1909), «The French Revolution and Napoleon» (1917) «Alsace-Lorraine Under German Rule», «The Government of Germany», «Fifty Years of Europe», «Modern Europe» и двух томов, посвященных Французской революции (1932).

² Вильям Ф. Нотц (1879–1935) — декан Школы дипломатической службы Джорджтаунского университета.

читал, занимался исследовательской работой, публиковался и преподавал, не останавливаясь ни на минуту, видя в этом смысл жизни. Мы никогда не сможем понять, как он выдерживал подобные нагрузки» [2. Letter of Baroness A. Korff to Dean of School of Foreign Service William F. Notz. 1924. March 22]. На гражданской панихиде в прощальном слове Эдмунд А. Уолш сказал, что своими стараниями Корф зарекомендовал себя как один из лучших специалистов в области истории, дипломатии, а также сравнительного анализа государственного правления и «своим сверхчеловеческим трудом приобрел высокое звание профессионала в области теории международного права» [Ibid. Remarks to occasion of the death of Baron Korff at the meeting of the executive faculty of the School of Foreign service Georgetown University on Saturday, March 8; by Dr. Edmund A. Walsh].

С. А. Корф ушел из жизни на пике академической карьеры. Его творческое наследие как историка-юриста, правоведа и специалиста в области международного права разнопланово и обширно. В правовой науке чаще других цитируется классическая работа Корфа «Федерализм», но материалов для составления полной библиографии трудов ученого сегодня более чем достаточно¹. Об исследованиях барона Корфа вспомнили в начале 1990-х годов, когда на повестке дня

Рис. 2. Барон
Сергей Александрович Корф
(1876–1924)
Источник: Архив
Нью-Йоркского университета.
Личный фонд сына С. А. Корфа

¹ См. его работы: *Железнодорожный смешанный суд в Манчжурии*. СПб., 1903; *Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов*. СПб., 1906; *История русской государственности. Основные черты древнерусского государства*. СПб., 1908. Т. 1.; *Федерализм*. СПб., 1908; *Административная юстиция в России*. СПб., 1910. Кн. 1–3; *Государственный строй Канады*. М., 1911; *История правительствующего сената за двести лет*. Ярославль, 1911; *Государственный строй Австралии*. М., 1912; *Автономные колонии Великобритании*. СПб., 1914; *Русское государственное право*. СПб., 1915; *Понятие суверенитета (к десятилетию манифеста 17 октября)*. М., 1915.

встали вопросы формирования будущего России. Время Корфа — эпоха революционных потрясений, когда вопрос о принципах государственного устройства затрагивал сущностные основы власти. Являясь свидетелем перемен начала века, он до последнего оставался небезразличным к судьбе России, последовательно отстаивая точку зрения, что вековые конфликты российских народностей могут быть «умиротворены лишь согласно великому началу национального самоопределения, а таковое лучше всего удовлетворяется принципам федерализма» [3, с. 204].

К обстоятельному изучению биографии Корфа историки вернулись лишь через столетие, переосмысливая общественную мысль русского зарубежья. Нужно отдать должное работе А. В. Павлова, которая вернула из забвения и небытия это имя [4]. О том, что внимание к академическому наследию барона С. А. Корфа далеко еще не исчерпано, свидетельствует юбилейная статья К. С. Вельского [5, с. 76–82]. Нам представляется важным дополнить сложившуюся историографическую традицию. Корф разделил сполна судьбу и участь уходящего с исторической арены ордена русской интеллигенции. Волею жизненных обстоятельств он оказался ввергнут в пучину революционных событий. С одной стороны, потомок известного рода, выпускник привилегированного Императорского училища правоведения, по-европейски образованный молодой человек, прослушавший курсы в Гейдельбергском и Петербургском университетах, он успешно выдержал все испытания и поступил на государственную службу в министерство финансов. С самого начала карьеры Корфу довелось выполнять ответственные поручения, представляя интересы России в Маньчжурии, на мирных Гаагских конференциях, международных заседаниях Красного Креста, организовывать работу русской секции на международной ярмарке в Америке в 1904 году. С другой — все последующие события первой русской революции заставят Корфа покинуть Петербург и перебраться в Гельсингфорс. В 1906 году он подписывает воззвание «К свободным гражданам свободных стран», которое лишает его доверия властей, а заодно придворного сана. Но финляндское общество вознесло куратора славянской коллекции книг барона Корфа до звания профессора Александровского императорского университета, а позже Февральская революция поднимет его на вершину пирамиды власти. Корф во Временном правительстве занимал должность помощника, а в роковые октябрьские дни 1917 года исполнял обязанности генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. После прихода большевиков к власти он вынужден был сложить полномочия, о чем свиде-

тельствует документ: «Командиру 42-го Армейского корпуса. Имею честь уведомить Вас, что сего числа я, не признавая для себя, при созданных политических условиях, возможным дальнейшее отправление временно лежащих на мне обязанностей финляндского генерал-губернатора, сложил с себя таковые обязанности и передал охрану государственных в пределах Финляндии интересов командующему флотом Балтийского моря. За финляндского генерал-губернатора его помощник барон Корф» [6].

Мучительные годы безвременья и гражданской войны подталкивают семью Корфов переехать на время в Швецию. После бесконечных мытарств по европейским столицам он вместе с детьми переехал за океан. В очередной раз Корфу довелось испытать «крутизну лестниц эмигрантского бытия». Благо, прошлые знания американской действительности позволили ему прочно обосноваться и успешно выстроить академическую карьеру. Занимая позицию приглашенного преподавателя, Корф, используя рекомендации, избирается на профессорские должности в университетах Джорджтауна и Колумбии, публикует за недолгих пять лет пребывания в Америке несколько книг¹.

Как ни парадоксально, но жизнь барона Корфа прерывается в самый пик и рассвет академической карьеры, во многом отражая известную формулу «все и ничто». Его соратники и коллеги отмечали, что Сергей Александрович ушел из жизни слишком рано. У вдовы на руках остались дети Сергей (1910 г. р.) и Варвара

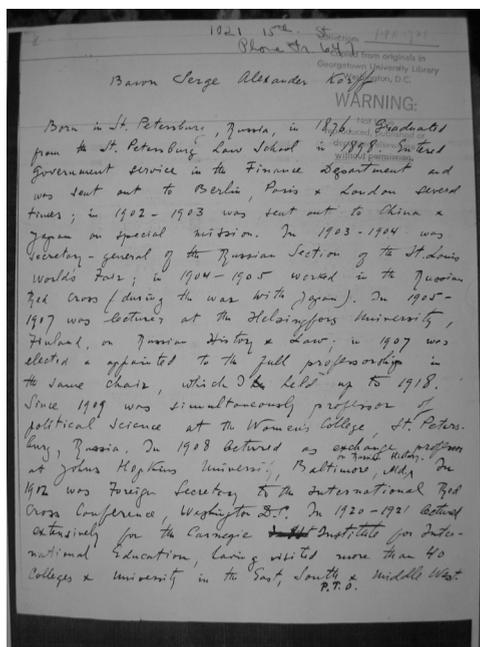

Рис. 3. Автобиография С. А. Корфа от 15 апреля 1921 года [2. Автограф. С. 1]

¹ Korff S.A. The History of Russia from earliest times. A Preliminary Syllabus / The Institute of International education. N. Y., 1921; *Idem*. Russia's Foreign relations during the last half century. N. Y., 1922; *Idem*. Autocracy and Revolution in Russia. N. Y., 1923.

(1916 г. р.). Российско-американская семья Корффов оказалась талантливой — сын Сергея Александровича стал известным астрофизиком, а дочь добилась признания как художник. Это достаточно известные и состоявшиеся люди в американском обществе. Родина вспомнила о судьбе их отца через столетие, памятуя его преданность и верность гражданскому долгу. Труды Корффа вернулись в отечественную науку, а имя их автора навсегда останется в исторической памяти новой России, убеждая в простой истине: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить»!

Список литературы

1. *Русская академическая группа в Эстонии: очерк деятельности Академической группы за десять лет (9 дек. 1920—1930 гг.)*. Юрьев, 1931.
2. *Georgetown University Libraries Special Collection Box: 13 Fold: 1042 Korff, Serge A. Baron S. A. Korff*.
3. *Корф С. А. Федерализм и централизация в современной Америке // Современные записки. 1920. Кн. 1.*
4. *Павлов А. В. Научно-педагогическая и политическая деятельность С. А. Корфа (1876—1924 гг.) в России и эмиграции : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.*
5. *Вельский К. С. Профессор С. А. Корф — видный русский государствовед, административист и юрист-международник (К 130-летию со дня рождения) // Государство и право. 2007. №3.*
6. *National archives of Finland. Chancellery of governor-general of Finland, personal folder 121, box FH9, Korff.*

СЛОВЕСНОСТЬ

Сегодня в эпоху воинствующего либерализма невыгодно говорить о Пушкине потому, что он первым дал убийственную характеристику русского либерализма, точную и корректную, которая как никогда актуальна сегодня.

В. Лепяхин

...осуждая терроризм, Пушкин и его Шенье не отказываются от идеи свободы, которая сохраняет всю свою ценность в их глазах...

Т. Мальчукова

...у Пушкина речи не идет о презрении к народу — его акцент именно в принципиальной опоре демократии на низшие свойства человека...

Ф. Тарасов

Трудно переоценить важность замеченного философом этого рано сформировавшегося обоснованного критицизма поэта в отношении легковёрности определенной части интеллигенции относительно так называемого «общего мнения».

В. Захарова

Любовь к России. Это еще одно острое место статьи Франка. Стоило бы сказать: если не любить Россию, то невозможно принять взгляды Пушкина в их целом и идти его путями.

Т. Кошемчук

По праву приветствуя новые знания, которые приносит новая эпоха, исследователь непроизвольно проговаривается о корыстном интересе новых эпох, которые оценивают то, что им «доступно и нужно».

Ю. Никишов

В контексте современной политической жизни статья Франка, как и творчество Пушкина в целом, разумеется, может быть использована для обоснования самых разных политических доктрин и тенденций. В последние годы это делается в основном для того, чтобы подчеркнуть в Пушкине консервативное и даже монархическое начало. Однако само творчество поэта в его полном объеме решительно этому противится.

С. Кибальник

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. С. ПУШКИНА Материалы дискуссии

К печальной дате 175-летия со дня гибели А. С. Пушкина редакция журнала решила провести заочный «круглый стол» с обсуждением статьи известного религиозного мыслителя начала XX века Семена Людвиговича Франка. Его статья «Пушкин как политический мыслитель», написанная 75 лет назад в эмиграции, как и другие работы замечательного русского философа, не только не устарела до сих пор, но кажется сейчас даже более актуальной, чем во время ее создания и публикации. В наше время, наполненное политическими баталиями, российское общество, по-прежнему раздираемое непримиримостью, несогласием и враждебностью к политическим противникам, должно вспомнить о том источнике, который оставлен нам в наследство мудрыми предками. Несомненно, Пушкин занимает среди них не только главное, но и особое место, на протяжении многих лет выполняя роль духовного и нравственного ориентира для людей, нередко принадлежащих к противоположным мировоззренческим лагерям. Предложение высказаться по поводу мыслей С. Л. Франка о политических взглядах Пушкина было поддержано учеными не только из разных городов России, но и разного возраста, что, на наш взгляд, является свидетельством несомненной актуальности предмета разговора. Не во всем соглашаясь с авторами статей концептуально, редакция считает необходимым предоставить возможность для высказывания различных мнений, полагая, что таким образом картина мировоззрения современного российского общества будет представлена более полно.

*Валерий Ленахин
(Сегед, Венгрия)*

НЕПУШКИНСКИЕ ПУТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Статье Семена Франка «Пушкин как политический мыслитель» в этом году исполнилось 75 лет. Она вышла в Белграде в памятном для России 1937 году.

Задачу, которую поставил перед собой Франк, не назовешь легкой. С одной стороны, нельзя было не заметить, что у поэта довольно часто встречаются суждения относительно политики, к тому же он отдал несколько лет недолгой жизни историческим трудам. С другой — в общественном сознании закрепилось ложное мнение об отсутствии у Пушки-

на четкой системы политических взглядов. Так ли это? Франк стер это белое пятно в пушкиниане и сделал это настолько удачно, грамотно и профессионально, что его работа до сих пор не потеряла своего значения, а в некотором смысле именно сейчас — в эпоху всеобщей политизированности — приобретает особое звучание и актуальность, «воскресает к новой жизни», как выразился сам Франк.

Мне кажется, что говорить только об этой статье Франка о Пушкине не совсем верно. Надо бы взять все пять блестящих статей религиозного мыслителя о поэте: «Религиозность Пушкина» (1933), «О задачах познания Пушкина» (1937), «Пушкин об отношениях между Россией и Европой» (1949), «Светлая печаль» (1949) и названную статью (1937). Эти этюды создают тот необходимый фон, который подтверждает глубину и точность характеристики политических взглядов Пушкина, по-

скольку в гармоничном мирозерцании поэта все было взаимосвязано: его эстетические, религиозные, исторические, политические и общественные взгляды.

О политических взглядах Пушкина писали и ранее. В массовом советском пушкиноведении само собой разумелось, что поэт по своим убеждениям был тайным антимонархистом, декабристом и т.д. В более осторожных работах авторы избегали таких прямолинейных и примитивных суждений об историко-политических взглядах Пушкина, но при этом оставались на уровне частных наблюдений, а взгляды поэта нередко реконструировали на основе его отдельных высказываний, выхваченных из контекста. Вместе с тем и ныне, как всегда, важно учитывать, к какому периоду творчества Пушкина относится то или иное высказывание, в каком контексте оно сделано, в каком тексте: в историческом труде или наброске, в стихах или прозе, в журнальной статье или личном письме. Наконец, высказывается ли суждение в обдуманной форме или является замечанием, сделанным в сердцах, под влиянием минуты. Все эти факторы впервые учел Франк.

Если мы хотим по-настоящему понять какое-либо явление, следует начать с исторического подхода, с истории вопроса. И вот перед читателем плод такого взвешенного подхода. Франк выделяет пять периодов в творческой эволюции политических взглядов Пушкина, которые не всегда совпадают с периодизацией художественного творчества поэта и мыслителя (хотя сам Франк утверждает обратное) [3, с. 31]. И только после этого дает картину развития историко-политических взглядов Пушкина, при этом, цитируя поэта, в каждом случае отмечает дату, а также источник цитаты: письмо, стихотворение, статья и т.п. Франк стремится выявить внутреннюю логику политического развития Пушкина. Сложность здесь в том, что поэт не оставил теоретического изложения своих взглядов, и работа Франка как бы приводит в систему разбросанные в разных пушкинских текстах отрывки своеобразного живого, развивавшегося на протяжении двух десятилетий комплекса политических взглядов поэта.

Прав ли оказался Гоголь, говоря о том, что Пушкин явил собой такой духовный тип русского человека, который осуществится лишь через двести лет. Скоро исполнится двести лет этому изречению Гоголя. Осуществился ли такой тип? Увы, нет. Исполнение гоголевского пророчества придется отодвинуть еще на двести лет. Пушкин и до сих пор остается недосягаемо впереди и как духовная личность, и как поэт, и, согласно работе Франка, как политический мыслитель [Там же, с. 28]. Об этом говорит хотя бы то, что Пушкин в этом отношении остался недооцененным в русском общественном, историческом и поли-

тическом сознании, о чем мимоходом замечает Франк. Но разве ныне, почти через сто семьдесят пять лет после убийства поэта и через семьдесят пять лет после работы Франка, положение с достойной оценкой политических взглядов Пушкина изменилось? Риторический вопрос. Так в чем же дело? Неужели кому-то невыгодно говорить о взглядах Пушкина на политику, тем более что у поэта такой непоколебимый авторитет в русском общественном сознании? Проще, сославшись на три-четыре высказывания поэта, произвольно причислить его к какой-нибудь «партии», чаще всего говорится о либеральной. А в последнее время небрежно и мимоходом, но все настойчивее отмечается, что Пушкин не был историческим и политическим мыслителем, что это натяжка говорить о его таланте и в этой области. Но ведь работа Франк много лет назад убедительно опровергла такое мнение. Или же здесь дело в том, что Пушкин все еще впереди по уровню своего политического мышления? Или это происходит потому, что русская государственность пошла другими, «не пушкинскими» путями, как полагает Франк [Там же, с. 30]. Скорее, и то, и другое, и третье.

Сегодня в эпоху воинствующего либерализма невыгодно говорить о Пушкине потому, что он первым дал убийственную характеристику русского либерализма, точную и корректную, которая как никогда актуальна сегодня. В дневнике Н. А. Муханова рассказывается, как А. П. Толстой, критикуя одну статью, заметил, что в трудах некоторых русских писателей видна «оппозиция не правительству, а Отечеству». Пушкину эта мысль понравилась, и он решил, что об этом надо сделать журнальную статью. «Пушкин и Толстой очень сошлись мнениями», — замечает Муханов [Там же, с. 44]. Эту идею оппозиции русского либерализма по отношению не к порядку вещей, не к правительству, а к самой России, к ее государственности позже подхватил Достоевский в романе «Бесы», вложив ее в уста Степана Трофимовича [1, т. 7, с. 36]. Но к тому времени это явление обнажилось и не вызывало сомнений, Толстой же и Пушкин отметили его еще в начале 30-х годов XIX века. Позже в частном письме Пушкин, опасаясь, что его заподозрят в неблагодарности, обронил такое сравнение: это, т. е. неблагодарность, «хуже либерализма» [3, с. 41].

С. Франк справедливо замечает, что «вплоть до революции 1917 года русская политическая мысль шла путями совершенно иными, чем политическая мысль Пушкина» [Там же, с. 30]. Но совершенно очевидно, что и после большевистского переворота русская общественная и политическая мысль шла не пушкинскими путями, ведь и само общество было насильственно повернуто на другой, далеко от Пушкина уводящий путь.

Так в чем же состояла политическая мысль позднего Пушкина? С. Франк начинает с общих, я бы сказал, эмоциональных оценок. Пушкин являлся «совершенно оригинальным и, можно смело сказать, величайшим русским политическим мыслителем XIX века» [3, с. 31]. Далее Франк говорит более подробно и определенно. Первый период в политических воззрениях Пушкина определяется сочетанием патриотического подъема, вызванного Отечественной войной и возвращением русской армии из Европы в 1815 году, с неопределенными «вольнoлюбивыми мечтами». При этом взгляды Пушкина на этом этапе Франк называет умеренными: освобождение крестьян, конституционная монархия, господство «вечного закона» даже над царями. Кишиневская ссылка представляет собой с точки зрения политических взглядов поэта некое противоречие: с одной стороны, увлечение Пестелем, «политический радикализм», высказанный в стихах и письмах, с другой — убедительная критика царствования Екатерины II в «Исторических заметках 1822 года». Здесь интересно сделанное мимоходом замечание Франка относительно того, что отношение Пушкина к Петру и его преобразованиям исходило из сравнения первого русского императора и его наследников [Там же, с. 33]. Конечно, достойных продолжателей у Петра не нашлось, и на фоне их он выглядел исполином. Не буду пересказывать критику Пушкиным екатерининского царствования, она широко известна, отмечу лишь, что поэт первым верно оценил гонения на духовенство и монашество, а ведь именно им Россия, по словам молодого поэта, обязана своей «историей, следовательно и просвещением» [Там же, с. 34].

Позже, как отмечает Франк, в одесский период происходят изменения в политическом настроении поэта. В его размышлениях проскальзывают первые критические замечания в адрес ходячего типа «русского либерального общественного мнения — в известном смысле пророческие в отношении позднейшей формации русской радикальной интеллигенции» [Там же, с. 36]. Не случайно Франк цитирует письмо Пушкина к А. И. Тургеневу. В нем поэт так отзывается о финале своего стихотворения, посвященного смерти Наполеона: «Это мой последний либеральный бред» [Там же]. Итак, критическое отношение Пушкина к либерализму возникает еще в начале 1820-х годов. Франк выделяет разочарование Пушкина в действительности пропаганды свободы, вместе с тем философ пронизательно отмечает, что свобода для Пушкина была в большинстве случаев свободой высказывать свое мнение и свободой печати, отсутствием контроля и цензуры, а не свободы в ее понимании французской революцией.

В этот период Пушкин встречался с писателем консервативно-монархического направления Стурдзой, с которым поэт вошел в приятельские отношения и даже в одном письме счел нужным сообщить адресату, что кое о чем они со Стурдзой думают одинаково [3, с. 36–37]. Не менее интересен для этого периода эпизод с письмом об атеизме. В нем, рассказывая об английском философе-атеисте, Пушкин замечает, что тот был «единственным умным афеем, которого я еще встретил». Нередко эти слова толкуют так, что этот атеист был единственным умным человеком, которого в то время встретил поэт. Но из контекста ясно, что Пушкин имеет в виду, что этот англичанин, единственный из всех встреченных Пушкиным атеистов, оказался умным [Там же, с. 37]. Так что это не похвала атеистам, а, скорее, упрек.

Созревание политических взглядов Пушкина, их эволюцию в сторону консерватизма Франк относит к периоду уединения в Михайловском, т. е. к середине 1820-х годов. При этом Франк не опускает и других высказываний поэта, которые, казалось бы, противоречат концепции философа. Он приводит несколько критических суждений и в адрес правительства, и в адрес Александра I, и в адрес русской истории, но все они вызваны чувством одиночества в ссылке, раздражением и отчаянием. По большому счету, главным произведением этого периода надо считать «Бориса Годунова», справедливо пишет Франк. Он замечает: «Изучение истории Смуты приводит его [Пушкина] к одному убеждению, которое является позднее основополагающим для его политического мировоззрения, — к убеждению, что монархия есть в народном сознании фундамент русской политической жизни... Погружение в русскую политическую историю XVI–XVII веков углубило и собственное политическое мировоззрение Пушкина» [Там же, с. 38–39].

Франк всегда удачно отделял главное от второстепенного, важное от мимоходного и случайного. От этого путь развития политических взглядов Пушкина становится более логичным, последовательным. Приведу такой пример. Пушкин в личной беседе говорит Николаю II, что если б он был в Петербурге, то оказался бы на Дворцовой площади. Но как следует понять эти слова? Вот ответ, который дает Франк: это значит только то, что поэт не мог отречься от друзей декабристов. Из солидарности и во имя дружбы он пошел бы с ними на площадь. Но это вовсе не означает, как это пытаются иногда доказать, что он полностью разделял их взгляды [Там же, с. 39]. Некоторые письма Пушкина свидетельствуют об обратном. Например, Вяземскому всего через полгода после восстания он писал: «Бунт и революция мне никогда не нравились» [Там же, с. 40]. Франк приводит и другие свиде-

тельства подобного отношения Пушкина к насилию и революциям. А к декабристам поэт высказал свое отношение в «Евгении Онегине». Ссылаясь на письмо Пушкина к Дельвигу, Франк следующим образом суммирует взгляды на декабризм: «Уже тогда (в 1826 году. — В.Л.) в Пушкине, очевидно, выработалась какая-то совершенно исключительная нравственная и государственная зрелость, беспартийно-человеческий, исторический, "шекспировский" взгляд на политическую бурю декабря 1825 года» [3, с. 40]. Итак, нравственная и государственная зрелость и беспартийно-человеческий, исторический взгляд на событие. Франк имеет в виду восстание, но то же самое можно сказать о воззрениях Пушкина на историю в целом. Слово «шекспировский» появилось в этом высказывании потому, что в упомянутом письме к Дельвигу Пушкин противопоставляет «односторонность» французской трагедии и широту и глубину трагедии шекспировской. Итак, события декабря для Пушкина — трагедия, но задача историка взглянуть на нее в контексте истории России, в свете дальнейших путей развития русской государственности.

С. Франк взвешенно описал и оценил отношения Пушкина с Николаем I. В записке «О народном образовании» царь обнаружил увлечение «безнравственным и беспокойным» Просвещением [Там же, с. 41]. Это замечание Николая I часто преподносят как свидетельство личной цензуры со стороны царя и навязывания Пушкину определенных взглядов. При этом само собой считается, что Просвещение — это хорошо, и такая его оценка не подлежит обсуждению. Однако Просвещение, прикрываясь лозунгами о решающей роли разума и науки в познании «естественного порядка», развернуло неслыханную идеологическую борьбу против христианства, против государственности, и следствием этой борьбы стала жестокая и кровавая французская революция, лозунги которой призывали вешать людей только за одну принадлежность к определенным сословиям. Не напоминает ли это большевистский переворот 1917 года? А. Солженицын в своей блестящей статье однозначно ответил на этот вопрос. Поэтому высказывание Николая I надо понимать в этом широком плане: царь в ту пору видел дальше поэта и просто предостерегал его от увлечения идеями Просвещения.

Рубежом, после которого можно говорить о зрелой политической мысли Пушкина, Франк справедливо считает 1826 год. «Политическое миросозерцание» Пушкина, начиная с того периода, предстает как «глубоко государственное, изумительно мудрое и трезвое сознание, сочетающее принципиальный консерватизм с принципами уважения

к свободе личности и к культурному совершенствованию» [3, с. 42]. Созревание политической мысли поэта Франк ставит в прямую связь с увлечением Пушкина отечественной историей. Для философа нет сомнений в том, что Пушкин был «прирожденным историком».

Вторую часть своей статьи Франк начинает также декларативным соображением: «Общим фундаментом политического мировоззрения Пушкина было национально-патриотическое уmonoстроение, оформленное как государственное сознание. Этим был обусловлен прежде всего его страстный постоянный интерес к внешнеполитической судьбе России. В этом отношении Пушкин представляет в истории русской политической мысли совершенный уникам среди независимых и оппозиционно настроенных русских писателей XIX века» [Там же, с. 43]. Ниже Франк показывает, какие именно взгляды или высказывания Пушкина подтверждают это мнение, и делает это, как всегда, убедительно.

Франк справедливо замечает, что сверстникам Пушкина из числа оппозиционно настроенной интеллигенции уже тогда были свойственны «сентиментальный космополитизм и государственное безмыслие» [Там же, с. 43–44]. (Позже, в канун русских революций эти две черты либеральной оппозиции проявились в полную силу.) Пушкин же, начиная со второй половины 1820-х годов, не изменял государственно-патриотическому настроению ни в статьях, ни в поэзии, ни в письмах. Трезвость Пушкина проявилась, например, в его отношении к польскому восстанию и польскому вопросу в целом. Он занял позицию, которую осудили его друзья, такие как Вяземский или А. Тургенев. Франк точно формулирует ее суть: у Пушкина сурово-трезвое понимание государственных интересов России одержало верх над поэтически-романтическим ощущением трагической стороны польского восстания [Там же, с. 44].

Франк выделил еще одну важную черту в политических взглядах Пушкина: поэт сторонился всякой партийности, чтобы не быть связанным партийными или политическими догмами [Там же, с. 46]. Так же, как в своей поэзии и всем творчестве, он хотел оставаться свободным. Поэтому политическое мировоззрение Пушкина свободно развивалось, взгляды его менялись, эволюционируя в сторону консерватизма, патриотизма, государственности, самодержавия, монархизма. Особенность консерватизма Пушкина, как уточняет Франк, состояла в том, что он сочетал его с «требованием свободного культурного развития, обеспеченного правопорядка и независимости личности» [Там же, с. 42]. Подводя итог, Франк пишет: «Консерватизм Пушкина слагается

из трех основных моментов: из убеждения, что историю творят — и потому государством должны править — не "все", не средние люди или масса, а избранные, вожди, великие люди; из тонкого чувства исторической традиции как основы политической жизни; и наконец, из забот о мирной непрерывности политического развития и из отвращения к насильственным переворотам» [3, с. 47]. Думаю, вряд ли кто осмелится оспорить с фактами и цитатами в руках эти выводы Франка. Они бесспорны, точны и глубоки; их противники могут противопоставить лишь демагогические рассуждения об обратном.

На этих трех китах зиждется, как пишет Франк, отрицание Пушкиным демократии, которую поэт называет «отвратительной властью». В статье «Джон Теннер» Пушкин провозгласил: «С изумлением увидели демократию (по книге Д. Теннера. — В. Л.) в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве» [2, т. 7, с. 298]. Удивительные прозрения! Величайший поэт вполне резонно еще 180 лет назад осудил демократию во всех ее тогдашних видах и проявлениях. Ныне же, выхолостив реальное содержание понятия, его сделали пустым лозунгом и вместе с тем священной короной либералов и демократов; во имя «демократии» разрушаются целые страны, стравливаются между собой народы и религии, размывается государственность и попирается суверенитет. И против такой «демократии» слова нельзя сказать, иначе зашлюют и подвергнут остракизму. Мир, конечно, не услышал пророческой оценки Пушкина. Да и Россия в своей истории пошла не пушкинскими путями. Впрочем, русская словесность также все дальше уходит от пушкинских путей, от пушкинских заветов.

И еще один вопрос, который ставит и точно решает Франк. Вопрос актуальный сам по себе и особенно актуальный ныне, когда перед нами плоды двадцатилетнего отсутствия в России цензуры. Итак, цензура. Казалось бы, Пушкин, настрадавшийся от ее придинок, написавший столько эпиграмм в адрес цензоров, должен быть противником цензуры. Однако и в этом вопросе он показал свою мудрость и зрелость. Франк следующим образом формулирует свои наблюдения относительно взглядов Пушкина на цензуру. Пушкин не сомневается в праве цензуры оберегать государственный порядок и общественную нравственность от злоупотреблений печати (надо сегодня добавить: от радио и телевидения). Далее, Пушкин всегда отграничивал цензурный контроль от эстетической и моральной опеки. Он лишь против вмешательства цензуры в личную духовную жизнь писателя, в его творчество, в его эстетические взгляды [3, с. 550–551].

В заключение напомним одну мысль Франка из его статьи 1949 года «Пушкин об отношениях между Россией и Европой». Философ завершает ее следующим выводом. У Пушкина была гениальная способность примирять противоположности. Его взгляд на историю и политику был синтетичным. Перед Чаадаевым он защищал ценность и самобытность русской истории и культуры, перед славянофилами — все то великое, что есть в западноевропейской культуре [3, с. 107]. В своем универсальном мировосприятии и мирочувствии гений Пушкина стремился примирить славянофильство и западничество, на что указывал еще великий последователь гениального поэта Достоевский в своем очерке «Пушкин» [1, т. 10, с. 457, 458].

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 10 т. М., 1956—1958.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1978.
3. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Париж, 1987.

Татьяна Мальчукова
(Петрозаводск)

ВОЗВРАЩАЯСЬ К С. Л. ФРАНКУ...

Инициатива Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта вернуться к обсуждению важной статьи С. Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель» представляется весьма своевременной. Мировоззрение Пушкина рассматривается здесь по отношению к идеям свободы и монархии, при этом, как новаторски пишет автор, «он усматривает — вопреки всем партийным шаблонам и ходячим воззрениям — средство демократического радикализма с цезаристским абсолютизмом. Если в политической мысли XIX века (и, в общем, вплоть до нашего времени) господствовали два комплекса признаков: "монархия — сословное государство — деспотизм" и "демократия — равенство — свобода", которые противостояли (и противостоят) друг другу как "правое" и "левое" мирозерцание, то Пушкин отвергает эту господствующую схему... и заменяет ее совсем иной группировкой признаков. "Монархия — сословное государство — свобода — консерватизм" выступает у него как единство, стоящее в резкой противоположности к комплексу "демократия — радикализм ("якобинство") — цезаристский деспотизм"» [5, с. 75]. Несмотря на широкую известность статьи (она публиковалась, помимо первоиздания в 1937 году, в антологии «Пушкин в философской критике» (М., 1990), в составе авторского сборника «Этюды о Пушкине» трижды за границей и дважды в России в 1998–1999 годах), составители антологии пушкинских оценок «А. С. Пушкин: Pro et contra» (СПб., 2000. Т. 1–2) ее не включили (вместо нее помещена другая статья С. Л. Франка «Религиозность Пушкина»), но, следуя интенции представить «демократический» плюрализм мнений, ввели в сборник раз-

вязные писания А. Терца и Б.М. Парамонова «Пушкин — наше ничто» и показательно завершили его статьей С. Г. Бочарова, пытающегося представить поэта сторонником «разбойно-пожарно-революционных мотивов» в русской литературе. Мне уже приходилось писать на эту тему и цитировать вышеприведенные новаторские замечания С.Л. Франка в статье «Пушкин как национальный и политический мыслитель» [6, с. 277], но сейчас, видимо, придется вернуться к ее первоизданию и заново осмыслить проблему.

Впервые работа С.Л. Франка была опубликована в юбилейный пушкинский год в Белграде. На ее обложке кроме имени автора и названия указана и общая серия: «Правда и свобода. Первая серия: Вопросы истории и культуры. №1». Издание было задумано П. Струве, который снабдил книгу Франка своим предисловием и дополнениями. Предисловие П. Струве заканчивалось цитатой из его статьи «Именем Пушкина» в парижской газете «Возрождение» (1926. №370. 7 июня): «Эпоха русского Возрождения, духовного, социального и государственного, должна начаться под знаком Петра Великого, просветленного художническим гением его великого певца Пушкина» [4, с. 198]. Рекомендую читателю «сжатый», «выпуклый» и «проникновенный» очерк Франка о политическом созревании поэта и его умственной зрелости, Струве представляет сочетание идеала свободы и империи у Пушкина как данность, признаваемую всеми объективными исследователями. Он приводит определение Пушкина у Вяземского — «либеральный консерватор» и дополняет библиографию книги специальной статьей «элементарного радикала» В.В. Водовозова «Политические и общественные взгляды Пушкина в последний период его жизни» в венгерском издании поэта (*Пушкин А.С. Собр. соч.* СПб., 1915. Т. 6). Говоря далее об отношениях Пушкина и царя Николая, сознавая их сложность и различие potentатов культуры и власти, П. Струве намечает и общую их платформу, сознание «обязанностей служения России: «Они оба любили Россию и ценили ее исторический образ» [Там же, с. 197].

Описанный номер оказался единственным в предполагаемом издании. Продолжения оно не имело. Тем более велико его значение. Книга утвердила за Франком представление как о знатоке и ценителе поэзии Пушкина: он продолжил пушкинскую тему и в последующих статьях будущих «Этюдов», которые до сих пор переиздаются как непревзойденные опыты его толкований. Но книга имела и местное, временное значение. Потеряв Россию, первая русская диаспора ее жителей ухватилась за образ национального поэта, который свободно и совершенно изобразил ее, себя, нас и весь мир с высшими достиже-

ями его культуры с русской точки зрения. Вырисовывалась новая перспективная задача — восстановление России во всей ее государственной целостности и во всем сложном единстве ее противоречивой и многосложной культуры.

Позволю себе несколько уточнить предложенную Франком датировку окончательного поворота Пушкина «к трезвому консерватизму» и признанию ценности самодержавной монархии в России. Франк датирует его началом 1826 года. Кажется, эту датировку следовало бы передвинуть на начало 1825 года. В это время Пушкин работал над драмой «Борис Годунов», в феврале — марте было написано стихотворение «Андре Шенье», а в октябре 1825 года стихотворение «19 октября» с прощением Александру, правда, пропущенному при первой публикации (1828 год):

Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей [3, с. 247].

Самым острым из написанного в это время Пушкиным было стихотворение «Андре Шенье» о судьбе певца Французской революции и ее жертвы. При цензуровании текста 44 его стиха были исключены (цензурное разрешение рукописи «Стихотворения Пушкина» датируется 8 октября 1825 года) и затем ходили в рукописи с надписью «На 14 декабря». Пушкин четырежды давал объяснения по их поводу в следственной комиссии. Стихи говорят о Французской революции, изображают ее правдиво в противоположности законной и незаконной революционной власти, в контрасте «царя» и «убийцы с палачами», здесь Пушкин упоминает дату гильотирования Людовика XVI — «въ 1793» и «Робеспьера и конвентъ» [Там же, с. 380]. Поскольку имена французских революционеров до сих пор украшают наши улицы и площади («набережная Робеспьера», «улица Марата»), было бы полезно, если бы современные ответственные лица знали эти антиреволюционные стихи Пушкина и отдавали себе отчет в своих действиях. Заметим в заключение, что осуждая терроризм, Пушкин и его Шенье не отказываются от идеи свободы, которая сохраняет всю свою ценность в их глазах:

<...> Закон
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!

Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут... [2, с. 353]

Экцессы и относительность свободы Пушкин будет обдумывать и впоследствии в полемическом по отношению к Радищеву сочинении «Путешествие из Москвы в Петербург». Но ценность идеала свободы Пушкин как дух живой и растущий сохранит до конца своей жизни и упомянет о ней в итоговом «Памятнике» наряду с христианской «милостью к падшим»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал [Там же, с. 424].

Список литературы

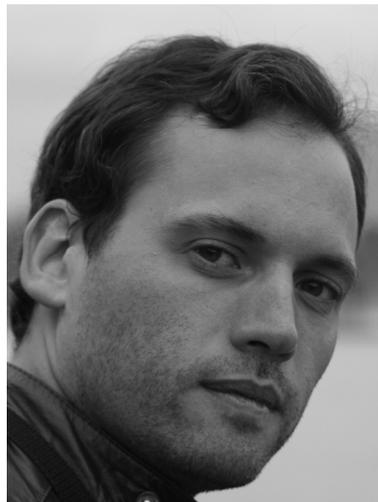
1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 19 т. М, 1997. Т. 17 : Рукою Пушкина.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 19 т. М., 1994. Т. 2.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1977–1979. Т. 2 : Комментарий Б. В. Томашевского.
4. Струве П. <О политических взглядах Пушкина> // «В краю чужом...» Зарубежная поэзия и Пушкин / сост., вступ. ст., коммент. М. Д. Филина. М., 1998.
5. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. М., 1999.
6. Мальчукова Т. Г. Пушкин как национальный и политический мыслитель // Духовный труженик. А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999. С. 262–293.

Федор Тарасов

(Москва)

ГЕНИЙ И ПОЛИТИКА

Русская религиозно-философская мысль конца XIX — первой половины XX века была целой эпохой исследования духовных основ и путей развития всего предшествующего периода отечественной истории и культуры. И Пушкин как своеобразная точка отсчета в этом периоде оказался в центре внимания таких ярчайших мыслителей, как Вл. Соловьев, В. Розанов, Дм. Мережковский, Вяч. Иванов, о. Сергей Булгаков, И. Ильин, Г. Федотов и др. Во многом они продолжили тот импульс, который был задан Ф.М. Достоевским, в своей знаменитой пушкинской речи указавшим масштаб духовной значимости самого явления Пушкина для судеб России в контексте всей мировой истории.

В этом же ряду стоит и имя С.Л. Франка, автора нескольких концептуальных статей о Пушкине, появившихся в разное время и в разных изданиях и объединенных затем в сборнике «Этюды о Пушкине» (первое издание — в 1957 году в Мюнхене). С.Л. Франк призывал последовать Достоевскому в восприятии Пушкина как учителя мудрости. Причем Пушкин, как подчеркивает С.Л. Франк, не отвлеченно «философствующий» мыслитель, а именно пронизательный мудрец. Он удивительно просто, живо, лаконично и метко выражает «конкретную полноту реальности» [4, с. 66] и никогда от нее не отрывается. Широтой своего духа, «в глубочайшем смысле слова сверхпартийного», направленного на «всю полноту и целостность бытия и жизни» [Там же, с. 86], он объемлет «самую субстанцию национального духа» [Там же, с. 62], открывающуюся этому «самому замечательному русскому уму XIX века» [Там же, с. 63] настолько же в поэтическом вдохновении, насколько и в исторической и общественно-политической рассудительности.

В силу такого характера пушкинского мироощущения и его собственно политические взгляды являют собой конкретное выражение воспринятого им живого национального духа. В статье «Пушкин как политический мыслитель», впервые вышедшей в виде отдельной брошюры в Белграде в 1937 году и затем включенной в сборник «Этюды о Пушкине», С.Л. Франк убедительно демонстрирует это, анализируя самые различные источники: биографические сведения и художественные произведения, письма и отдельные наброски, «замечания». Философ охватывает в своем обзоре все значимые этапы развития политических взглядов Пушкина, прослеживая определенную логику движения от своеобразного юношеского бунтарского радикализма и романтической мечтательности либерального оттенка к глубокому и трезвому государственному сознанию и консерватизму, монархизму в сочетании «с принципами уважения к свободе личности и к культурному совершенствованию» [4, с. 42]. Это принципиально важно, поскольку источник развития политических взглядов Пушкина и появления конкретных политических предпочтений и суждений коренится как раз в его духовной личности и нравственном характере, обнимающем весь его жизненный путь, и в этом смысле Пушкин всегда оставался верен самому себе.

С.Л. Франк пишет, что пушкинскому духу было свойственно «национально-патриотическое уmonoстроение», обуславливающее и его постоянный интерес к внешнеполитической судьбе России, и его государственное сознание, его монархизм [Там же, с. 43]. И таким образом, подчеркивает философ, Пушкин один из немногих сохранил верность тому пробуждению государственно-патриотических чувств, которое пережила Россия в пору Отечественной войны и победы над Наполеоном. Однако можно и далее развить эту логику углубления во внутренний мир Пушкина и открыть здесь следующий слой, имеющий уже религиозное измерение, — первоисточник, который во всей своей силе и очевидности проявился в последние дни жизни поэта. По известному свидетельству П.А. Плетнева из письма Я.К. Гроту от 24 февраля 1842 года, у Пушкина тогда «было какое-то высоко-религиозное настроение»: он «говорил со мною о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем» [2, с. 290].

С.Л. Франк упоминает о пушкинском «духе благоволения» в другой статье под названием «Религиозность Пушкина» [4, с. 12]. Но о нем нельзя не сказать именно здесь, поскольку он обуславливает все проявления пушкинского гения. Именно им Пушкин проникал в «судьбы Промысла», о которых, по большому счету, повествуют все его центральные художественные произведения, раскрывая таинственные

сцепления человеческих совершенно различно мотивированных действий с их всегда уходящими в область Промысла плодами. У Пушкина даже есть специальное выражение для таких сцеплений: он называл их «силою вещей». И это выражение встречается как в его художественных текстах — например, в III и IV строфах десятой главы «Евгения Онегина», когда поэт говорит о победе над Наполеоном («...силою вещей / Мы очутились в Париже, / А русский царь главой царей»), — так и, скажем, в записке императору Николаю I «О народном воспитании», где «сила вещей» упоминается как фундамент политической силы правительства.

В эту «силу вещей» вписывается у Пушкина и его монархизм, основанный на глубоком и совершенно беспристрастном внутреннем убеждении (действительно, помимо свойств самой личности Пушкина отнюдь не простые отношения поэта с царским правительством красноречиво свидетельствуют о его удивительной объективности). С.Л. Франк отмечает уникальность монархизма Пушкина на фоне русской политической мысли XIX столетия, состоящую в его видении монархии как главного орудия развития России, видении, за которым стоят глубокие исторические познания и государственная мудрость. В нем нет «ничего общего ни с официальным монархизмом самих правительственных кругов, ни с романтическим, априорно-философским монархизмом славянофилов, ни с монархизмом реакционного типа» [4, с. 54]. Для Пушкина монархия в России полезна и представляет ценность как движущая сила просвещения в общественных масштабах, направленного на возвращение свободы личности и ее культурной образованности и опирающегося на такие высокие начала человеческой природы, как долг, право, честь и достоинство.

Для обеспечения полномасштабного развития этих высоких начал монархия нуждается, по Пушкину, в трех компонентах. Во-первых, опора на историческую преемственность и традиции, в которой проявляются и реализм сознания, охватывающего органическую полноту своего предмета, и любовь, уважение к своим корням — залог «самостоянья» человека, говоря поэтическим языком Пушкина. Во-вторых, преемственность дополняется ее мирным характером: для Пушкина совершенно неприемлемы насильственные революционные потрясения (а история бунта в России ему знакома не понаслышке), о чем он чеканно высказался в «Мыслях на дороге», акцентируя происхождение лучших и прочнейших изменений только из улучшения нравов. И наконец, в-третьих, наличие элиты, а для Пушкина это родовое, потомственное дворянство, — общественного носителя чести, духовной независимости и благородства.

Последний компонент, элита, связывает у Пушкина, по мысли С. Л. Франка, две стороны монархизма, консерватизм общего характера пушкинского политического мировоззрения и своеобразный либерализм требования свободы духовного и культурного бытия личности и ее частного жизненного пространства, ибо последнее обеспечивается как раз культурной преемственностью и наличием ее общественно-го носителя. Однако С. Л. Франк не упоминает другую особенность этого явления, характеризующуюся осмыслением власти не как безликой юридической силы, слепой в своей способности быть повернутой «как дышло» в любую сторону, а как инструмента правды и человечности. И здесь очевидна необходимость опоры на высшие качества человеческой природы, на воплощающую эти качества объединенную силу и ее духовно наиболее авторитетных представителей (что постоянно демонстрировала история государственной жизни России, начиная от прославленных Церковью святых и заканчивая существованием «светского старчества» русских писателей, от Карамзина до Солженицына).

С. Л. Франк выводит из «элитаризма» Пушкина его резкое неприятие демократии, приводя пушкинскую уничтожающую характеристику этого явления как во Франции, так и в Америке [4, с. 48]. Но и здесь у Пушкина речи не идет о презрении к народу — его акцент именно в принципиальной опоре демократии на низшие свойства человека: «С изумлением увидел демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству; большинство, нагло притесняющее общество» [3, с. 104]. Парадоксальным, казалось бы, образом демократия становится по своей внутренней природе близка тирании благодаря заложенным в ней духовно-нравственным механизмам, которые наиболее глубоки и неотвратимы.

Завершая характеристику Пушкина как политического мыслителя, С. Л. Франк указывает на его упреки в революционности в адрес самой монархической власти, начиная с Петра (несмотря на ноты восхищения императором-реформатором; можно вспомнить и вышедшее позднее из поэтических уст М. Волошина наименование Петра I первым большевиком) — царя, открывшего «путь к уравнительному, губительному для культуры и свободы деспотизму» и уничтожению независимых сословий [4, с. 55–56]. И если, подытоживает С. Л. Франк, исторического катаклизма-столкновения русской монархии с сословием элиты, как опасался Пушкин, не произошло, то суть его политических воззрений имела пророческое значение. Именно «хлынувший потоп» «демократического якобинства» «составил как бы социальный суб-

страт большевистской революции и вознес к власти коммунизм, окончательно уничтоживший в России свободу и культуру» [4, с. 57].

В связи с этим заключением философа нельзя не вспомнить еще раз речь о Пушкине Ф. М. Достоевского, видевшего в явлении такого поэта ответ на реформы Петра. И ответ состоит в том, что разделенная реформами нация вновь приводится к единству пушкинским обращением к духу народа, духу, просвещенному не «по-европейски», не внешними науками, а светом Христовым. Достоевский подчеркивал, что Пушкин соединился с народом *взаправду*, показав его красоту, силу и самостоятельное назначение в мире. И продолжая Достоевского, можно отметить примечательное внутреннее единение в произведениях Пушкина того самого независимого слоя чести, о котором подробно говорил в своей статье С.Л. Франк, с народным нравственным кодексом (в отличие от швабриных, пытающихся предательски-конъюнктурно лавировать в народной «волне»). Таким образом, границы социально-политических субстратов у Пушкина определяются в духовно-нравственной системе координат. Петровская же реформа промыслительно послужила неизбежному входу в «современность», «расширению взгляда», выражаясь языком Достоевского: «Через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве» [1, с. 47].

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972—1990. Т. 23.
2. Плетнев П. А. Из переписки с Я. К. Гротом // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1837—1937 : в 16 т. М. ; Л., 1937—1959. Т. 12.
4. Франк С.Л. Этюды о Пушкине. Париж, 1987.

Виктория Захарова
(Нижний Новгород)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ А. С. ПУШКИНА В ВОСПРИЯТИИ С. Л. ФРАНКА

Работа С.Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель» была написана и опубликована спустя столетие после гибели поэта — в 1937 году. Масштаб и глубина воззрений философа способствовали тому, что и сегодня она воспринимается как достойные русской религиозно-философской мысли. Значение этого труда, по нашему представлению, прежде всего в том, что в нем, по сути, идет речь об *историософии* Пушкина, а это до сих пор недостаточно освоенная научная проблема — и в плане собственно историософии как

таковой, основанной на документальном материале, и *художественной историософии* национального гения. Осознавая самоценность этой проблемы, ограниченные рамками статьи, обратимся лишь к некоторым, на наш взгляд, показательным положениям работы С.Л. Франка, свидетельствующим о сути его воззрений на Пушкина как государственного мыслителя.

Однако предварить наши рассуждения стоит некоторыми высказываниями Семена Людвиговича Франка из его дневника, которые дают представление о том, насколько духовно близок был ему Пушкин в течение всей жизни. Так, известно, что его дневниковая тетрадь начиналась эпитафией — строками известного стихотворения Пушкина: «Мой путь уныл; сулит мне труд и горе / Грядущего волнуемое море. / Но не хочу, о други, умирать: / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!» [2, с. 17]. В дневнике встречаются признания такого рода: «Есть

мысли, особенно выраженные в стихах, которые мне хочется не только читать, не только помнить, а впитать в себя так, чтобы они и я стали одно и то же, и мне досадно, что такое слияние невозможно... К числу таких мыслей относятся рассуждения Пушкина в стихотворении «Безумных лет...» [4, с. 35].

В работе «Пушкин как политический мыслитель» С. Л. Франк исходит из уверенности в том, что Пушкин, не только как поэт, но и «как духовная личность, далеко опередил русское национальное сознание» [Там же, с. 396]. Справедливо полагая, что история русской мысли долгие годы несправедливо проходила мимо Пушкина, С. Л. Франк решает хотя бы в малой степени восполнить этот пробел и выстроить параболу его политического развития. Однако политическое мышление поэта в анализе Франка, на наш взгляд, выступает прежде всего в аспекте его державного, государственного самосознания. Логика ученого поражает своей доказательностью, укорененной в великолепном знании не только собственно творчества Пушкина, но и его эпистолярного наследия, дневниковых записей. Убеждает и прекрасное владение Франком историческим материалом в огромных временных масштабах, что помогает автору анализируемого труда представить взгляды поэта в обстоятельном контексте не только его современности, но и — сквозь призму творчества Пушкина — в контексте всей русской истории.

Вначале Франк основывается на «Исторических замечаниях Пушкина» 1922 года, которые справедливо называет «необычайно интересными». Эти «замечания», касающиеся тогдашних представлений совсем еще молодого поэта о послепетровской эпохе, проникнуты, по мысли Франка, «моральным негодованием против власти и в этом смысле носят отпечаток *политического радикализма*» [Там же, с. 402]. Однако очень скоро этот «кишиневский» политический радикализм сменится у Пушкина, особенно после его знакомства с участниками греческого освобождения, как верно замечает Франк, обличением расхожих общественных суждений. «В его словах, — пишет философ, — мы имеем первое нападение поэта на ходячий тип русского либерального общественного мнения — в известной степени пророческий в отношении позднейшей формации русской радикальной интеллигенции» [Там же, с. 403]. Трудно переоценить важность замеченного Франком этого рано сформировавшегося обоснованного критицизма Пушкина в отношении легковёрности определенной части интеллигенции относительно так называемого «общего мнения».

Главным же «памятником» созревшего пушкинского консерватизма «в глубоком слое духовной жизни поэта» является, по мысли Франка, драма «Борис Годунов». Она, как известно, написана на основе внимательного изучения поэтом истории Смуты и, как верно отмечает Франк, приводит Пушкина «к одному убеждению, которое является позднее основополагающим для его политического мировоззрения — к убеждению, что монархия есть в народном сознании фундамент русской политической жизни» [5, с. 405]. Одним из аргументов в рассуждениях философа является, к примеру, характеристика Пимена, данная Пушкиным своему герою: «В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях, простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, набожность к власти Царя, данной от Бога... Мне казалось, что сей характер, все вместе, нов и знаком — для русского сердца» [Там же].

Именно погружение в политическую ситуацию XVI–XVII веков углубило, по мысли С. Л. Франка, пушкинские взгляды в постдекабристский период. Неоднозначность позиции Пушкина в связи с восстанием, в котором принимали участие его друзья, сегодня уже осмыслена многими учеными. В этой связи представляется ценным суждение Франка, основанное на изучении эпистолярного наследия поэта, воспоминаний его современников, отрывков 10-й главы «Евгения Онегина». Размышляя о письме поэта к Дельвигу вскоре после восстания, восхищаясь его органической неспособностью к «партийному фанатизму», философ цитирует Пушкина: «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» [Там же, с. 406]. Философ обращает внимание читателей, что «уже тогда в Пушкине, очевидно, выработалась какая-то совершенно исключительная нравственная и государственная зрелость, беспартийно-человеческий, исторический, "шекспировский" взгляд на политическую бурю декабря 1825 года (Курсив наш. — В. З.)» [Там же]. По сути дела Франк здесь указывает на те вехи становления державного мышления Пушкина, которые с неизбежностью приведут поэта к известному предупреждению из «Капитанской дочки» об опасности русского бунта, «бесмысленного и беспощадного».

Значительное место в работе Франка уделено анализу всегда присутствовавшего у Пушкина страстного интереса к внешнеполитической судьбе России. И в этом плане поэт, по справедливому убеждению исследователя, являет «совершенный уникам среди независимых и оппозиционно настроенных русских писателей XIX века» [Там же, с. 409]. Эта уникальность видится Франку в том, что Пушкин был

одним из немногих людей, которые не утратили к концу 1820-х и в 1830-е годы своего государственно-патриотического сознания. Поколение, возвращенное на высоком подъеме войны 1812 года, стало подчиняться, как замечает Франк, по своему «государственному безмыслию» настроениям «сентиментального космополитизма» [5, с. 409]. Пушкин же, как следует из его оценок взглядов своих современников — часто из плеяды ближайшего окружения, не мог равнодушно относиться к неоправданно-критическим оценкам России, ее исторического прошлого. Франк доказывает это, в частности, на примере Вяземского, отнюдь не радикально настроенного человека, о котором Пушкин, тем не менее, выразился как о принадлежащем к «озлобленным людям, не любящим России» [Там же].

Весьма важно, на наш взгляд, актуализировать и представления Пушкина о национальной гордости, которые на примере многих его произведений, дневниковых записей и писем предлагает осмыслить Франк. Ограничимся здесь лишь одним аспектом: *родовой памяти, имеющей государственное значение*. Философ справедливо полагает, что эта мысль наиболее глубоко аргументирована у Пушкина в «Отрывках из романа в письмах»: «Я без прискорбия никогда не мог видеть уничтожение наших исторических родов... Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ! Образованный француз или англичанин дорожит строкою летописца, в которой упоминается имя его предка... И у нас иной потомок Рюрика долее дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества... Конечно, есть достоинство выше знатности рода — именно достоинство личное... Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться их именами?» [Там же, с. 414]. И совершенно логично, исходя из этих мудрых сентенций поэта, Франк выстраивает далее парадигму доказательств сочетания в консерватизме Пушкина пиетета к прошлому и заботы о «мирной непрерывности культурного и политического развития» [Там же].

Стоит заметить, что в том же 1937 году, когда была написана работа С. Франка, на скорбную дату откликнулись и другие известные эмигрантские философы, к примеру Г. Федотов, И. Ильин. И в их трудах мысль о поражающей государственной зрелости в мышлении поэта является ключевой; но при этом, конечно, у каждого философа — своя парадигма доказательств. Г. Федотов вел свои размышления от южных поэм Пушкина к «Медному всаднику», произведению, которое он считал определяющим для понимания того, в чем заключался для

Пушкина «смысл Империи» [3, с. 361]. Для И. Ильина, как и для С. Франка, авторитетными были многие высказывания поэта по поводу различных исторических событий, личностей, которые свидетельствовали об исторической компетентности Пушкина, изучавшего русскую историю по различным первоисточникам [1, с. 37 – 70].

Все это свидетельствует о том, что работа С. Франка, с одной стороны, вписывалась в общее духовное русло подходов религиозно-философской мысли русской эмиграции относительно представлений о Пушкине как государственном и историческом мыслителе, с другой – демонстрировала, насколько его труд был самобытным, оригинальным. Полагаем, благодаря актуализации значения этой работы для наших современников возрастет возможность для многих из них «нового прочтения» творчества великого национального поэта, понимания масштабности его государственного мышления, значимости его органического, «свободного консерватизма», его веры в Россию.

Список литературы

1. *Ильин И. А.* Пророческое призвание Пушкина // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М., 1996. Т. 6.
2. *Никитина Е. П.* История одной «Тетради» (о судьбе рукописей С. Л. Франка) // С. Л. Франк. Саратовский текст. Саратов, 2006.
3. *Федотов Г.* Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
4. *Франк С. Л.* Дневник // С. Л. Франк. Саратовский текст. Саратов, 2006.
5. *Франк С. Л.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.

*Татьяна Кошемчук
(Санкт-Петербург)*

О СТАТЬЕ С. А. ФРАНКА «ПУШКИН КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ»

По первому впечатлению заданная тема кажется трудной и даже излишней именно в силу ее ясности, подталкивающей как будто лишь к добросовестному составлению реферата. Впрочем — пытаюсь наметить отправную точку — любое высказывание о Пушкине есть самооткровение, часто разоблачительное: ведь «на фоне Пушкина» дан автор. Франк же в этом испытании словом о Пушкине — нечастый, счастливый случай! — не разочаровывает. Статья вызывает удовлетворение, согласие; в ней собранный ма-

териал представлен добросовестно, осмыслен с явной симпатией. И... добавлю: с осторожностью, характерной для тонкого и «объективного» автора, который к весьма острым и непомерным в их взлете пушкинским темам обращает мысли аккуратные и умеренные. Причем таковы они именно в этой статье (в других «этюдах» о Пушкине больше вдохновения и полета). Основной тон здесь — изумление, сдержанное, нигде через край, и вызвано оно именно безмерностью пушкинской гениальности, ни-с-чем-не-сопоставимостью его идей. И вот — изумление передается, нечто задевает в мысли Франка, а высвеченная им пушкинская мысль, уже в ее собственной и неотразимой перспективе, уводит вдруг, неожиданно и непредусмотренно, к весьма отдаленным горизонтам.

И если любое сочинение есть покрывало, держащееся на остриях одной или нескольких мыслей, то первый укол: после Пушкина рус-

ская культура шла «по иным, *не-пушкинским* путям» [1, с. 25], с дефицитом, усложняющим простое отрицание: пути эти вне-пушкинские, мимо-пушкинские. Духовная личность Пушкина была задана русскому человеку, мы все это помним, как возможность и предустановленная на *двести лет* цель, и этот уже истекающий срок выявляет пока — неспособность русской культуры ей соответствовать (исключения уникальны, но в них суть и залог). Франк прав: дело не в писаревских гримасах, а в неместимости пушкинской духовности для образованного слоя в целом. Отсюда и реакция — отрицание самого пушкинского духовного типа. И — пушкинской политической мысли. Здесь статья сужает поле своего обзора к заданному, чтобы нанести еще один укол в характеристике критической литературы о Пушкине: «нежелание честно сознаться в этом расхождении» [1, с. 26], боязнь выявить Пушкина как весьма для себя опасного — оппонента.

Здесь и формулируется задача статьи: «добросовестно и духовно свободно понимать и оценивать политическое мировоззрение Пушкина» [Там же]. Характерно при этом у Франка предупреждение: Пушкин может быть авторитетом лишь «в некоторых основных своих духовных мотивах» [Там же]. Так что поставленная задача не есть возвращение на пушкинские пути, но первый шаг: точное знание, каковы они, — «...хотя бы в порядке чистого исторического познания» [Там же, с. 27] — с еще одной острожной оговоркой. При том что Франк уверен: Пушкин — «величайший русский политический мыслитель» [Там же]. Этот минималистский призыв принять взгляды Пушкина в качестве лишь исторического явления, пусть и изумительного, — как ничто иное, говорит о действительной удаленности от пушкинских путей.

Особенно осторожно Франк касается самой рискованной ситуации (лакмусовая бумажка!) — речь идет о польском восстании: «как бы ни судить по существу о позиции Пушкина в этом вопросе...» [Там же, с. 40]. Что же, если судить, то с пушкинской же точки зрения — с точки зрения любви к России.

Любовь к России. Это еще одно острое место статьи Франка. Стоило бы сказать: если не любить Россию, то невозможно принять взгляды Пушкина в их целом и идти его путями. Словами Пушкина: у Вяземского и других «озлобленных людей, не любящих России» [Там же], больное место в том, что они «в оппозиции не к правительству, а к России» [Там же]. Это впрямую и о нашем времени: на поверхности русской культуры в основном люди, ее не любящие. И ответ им дан Пушкиным: презрение. Ибо у Пушкина «государственный патриотизм, боль и тревога за судьбу России, чувство национальной гордости и презрение к людям, чуждым этому чувству» [Там же, с. 42] — этими

чертами интонирована его душевная жизнь. Сквозь нее «просвечивает» и в ней «находит свое отражение» духовная глубина — так характеризует Франк [3, с. 119] духовный тип Пушкина: отчетливость различения духовного и душевного и пронизанность душевного — духовным. Духовная способность любви («благоволение ко всему») ни в коем случае не может исключить из своего всеобъемлющего сияния — родины, России; подобное было бы уродством. «Любовь к родному *пелищу*...» — как странно он сказал это, будто о нас.

Теперь, отсюда, о политических идеях Пушкина, «в высшей степени оригинальных, не укладывающихся в программу какой-либо партии XIX века» [1, с. 44]. Это действительно так — и далее те острия, изумляющие, на которых держится покрывало целого, — это именно пушкинские мысли. Оценку Франка можно разделить в полной мере: Пушкин один в своем времени, в очевидности — данной ему, в гениальности его мысли. И далее: рука ему будет протянута лишь из XX столетия, из самого духа немецкой культуры.

Франк описывает эту пушкинскую уникальность — через привычные политические термины. Во-первых, политический консерватизм — его Франк характеризует тремя чертами: убеждение, что историю творят избранные; тонкое чувство исторической традиции; забота о мирной непрерывности политического развития и отвращение к насильственным переворотам. Второе, несоединимое с принципом консерватизма, — требование «свободного культурного развития», «независимости личности». Франк говорит даже о своего рода «дуализме», «как бы дуализме» [Там же, с. 47] — государственного и личного. Но, пытаясь найти соединение, предлагает выход: «истинный консерватизм» [Там же, с. 53] или же, парадоксальнее, «консерватизм, проникнутый либеральными началами» [Там же, с. 44].

Что и говорить, выход неудачный. Мысль Пушкина в ином: каждая сфера жизни устроена по своим законам. Свободе место в сфере духовной, отсюда требование неприкосновенности личности, это и есть подлинная, единственно нужная и «лучшая» свобода. И здесь как раз никакого либерализма, который навязывает равенство и в этой области, где его быть не может. В сфере духа и творчества царит гений, здесь, по мысли Пушкина, «неравенство есть закон природы» [Там же, с. 45], а тиранство демократии омерзительно.

В сфере же государственной свобода для Пушкина лишь объект жесткой иронии. Он как монархист приемлет существующую политическую традицию, желая своей стране мирного и непрерывного развития — к монархии, основанной на законе (который выше монарха и перед которым все равны). Франк точно и полно характеризует отно-

шение к ней Пушкина, особенно отмечая противопоставление: близкий ему принцип сословной монархии, с одной стороны, и с другой — чуждые, отрицаемые демократический радикализм и цезаристский абсолютизм. И если у Пушкина сфера государственная и сфера духовная разделены и противопоставлены, то Франк невольно смешивает их. Так, он относит к консерватизму, соотносимому с политической жизнью, то, что стоило бы отнести к сфере духовной, — презрение к толпе и прославление гения. Выделяя у Пушкина важнейший тезис — «принцип духовной независимости личности, невмешательства государства в сферу духовной культуры» [1, с. 46], — Франк относит этот принцип ошибочно — к либерализму как таковому.

Именно в идее раздельности этих областей, в требовании невмешательства государства в духовную жизнь личности и заключается уникальность пушкинской позиции. Из этой важнейшей интуиции вытекает многое у Пушкина, например отмеченное Франком пушкинское приятие цензуры: она относится к сфере государственной и в ней правомерна. Но «эстетическая и моральная опека» [Там же, с. 47] — омерзительна, ибо касается личной духовности, не терпящей государственного насилия. Требование же прочного правопорядка (сфера государственного), вопреки Франку, не вырастает у Пушкина из требования неприкосновенности личности (сфера духовного). Пушкинский пафос личной свободы вряд ли рождается из ощущения собственной гениальности, но просто вытекает из точно постигаемой сути вещей.

Итак, раздельное у Пушкина смешивается Франком в неудавшейся попытке прояснения этой странной и притягательной самобытности. И именно там, где Пушкин как политический мыслитель не вполне принят Франком, он оказывается своим в немецком, современном Франку XX столетия, в духовном течении, называемом антропософией, давшем важнейший принцип: социальная тройственность, трехчленность. Принцип раздельности политической, духовной, экономической сфер, их независимое, по собственным законам, существование — Пушкин, без сомнения, узнал бы в этих идеях свое, свою тему, которая может быть выражена, например, и в «бессмертной аллегории "лебедя", "щуки" и "рака", невообразимо бессмысленное взаимодействие которых уже подтолкнуло "воз" человечества на самый край пропасти. Виданное ли дело, когда "щука" государственности подчиняет диктату собственным "щучьим велениям" как "лебедя" духовности, так и "рака" экономики! Или когда "рак" экономики контролирует сферу "щучьих велений" и заказывает "лебединые песни"! Или еще: когда "лебедь" пятится под страхом свернутой шеи в болото и начинает осиливать технику кваканья, а "рак"... только и тщится что догнать

и перегнуть!» [4, с. 408] — так обозначена одна из тем Рудольфа Штейнера в неотразимой и легкой, по-пушкински, вариации К. А. Свасьяна. В первоисточнике — о свободе, равенстве и братстве, несоединимых очевидно в одном централизованном организме, но возможных в разных областях жизни: «Совместная деятельность людей в экономической сфере... может стать реальным воплощением братства. <...> В области права, имеющего дело... с отношениями человека к человеку, найдет свое реальное воплощение идея равенства. И наконец, область духовной жизни, получившая в социальном организме известную автономию, может стать реальным воплощением свободы» [5, с. 80–81].

Смещение разных уровней в жизни государства — эта нестерпимая для Пушкина реальность окружающей жизни им осмыслена как источник многих бед, и его уникальная интуиция, она же есть сама суть позиции Пушкина как политического мыслителя, интуиция, опережающая свое время, обрела исчерпывающее выражение столетие спустя и еще ждет в будущем своего воплощения. Франк же в подходе к политическим идеям Пушкина, утверждая его гениальную способность к «синтетическому, примиряющему противоположности восприятию» [2, с. 106], ищет синтеза. Соединение было возможно в иной ситуации, например: *либо* западничество утверждение ценности европейской культуры для России, *либо* преданность своему родному и исконному — здесь у Пушкина обнаруживается мысль высшая, сопрягающая и превосходящая противоположные позиции современников в утверждении «особого служения России задачам европейско-христианской культуры» [Там же, с. 105]. Таким же образом, однако, не получается соединения в политической сфере — без искажения пушкинских идей. Но велика значимость статей Франка о Пушкине, где он убедительнейше доказывает: в самых разных областях мысли Пушкину были даны великие прозрения, «совершенно оригинальные», «открывающие новые, более широкие духовные и философско-исторические перспективы» [3, с. 106].

Список литературы

1. Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель // Этюды о Пушкине. СПб., 1998.
2. Франк С. Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Этюды о Пушкине. СПб., 1998.
3. Франк С. Л. Светлая печаль // Этюды о Пушкине. СПб., 1998.
4. Свасьян К. А. Предотвратимая катастрофа // Растождествления. М., 2006.
5. Штейнер Р. Основные черты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего. Ереван, 1992.

Юрий Никишов
(Тверь)

ЗА МЕТОДОЛОГИЮ, ПОДОБНУЮ РАДУГЕ

Давняя работа С. Франка «Пушкин как политический мыслитель» сохраняет значение и в наши дни. Она привлекает прежде всего тем, что автор сумел найти в творчестве активно изучаемого поэта такие стороны, ценность которых многими современниками критика (в противовес политизации Пушкина в СССР) демонстративно не признавалась. С. Франк выдвигает задачу «перестать, наконец, смотреть на Пушкина как на "чистого" поэта в банальном смысле этого слова, т.е. как на поэта, чарующего нас "сладкими зву-

ками" и прекрасными образами, но не говорящего нам ничего духовно особенно значительного и ценного, и научиться усматривать и в самой поэзии Пушкина, и за ее пределами... таящееся в них огромное, оригинальное и нецененное *духовное содержание*» [4, с. 35–36]. Идя неторопным путем, исследователь делает ряд наблюдений, не утративших своих ценностей.

Очень любопытно отправное заявление С. Франка: «Каждая эпоха видит и ценит в нем [Пушкине] то, что ей доступно и нужно, и потому новая эпоха может открыть в его духовном образе то, что оставалось недоступно прежним» [Там же, с. 34]. По праву приветствуя новые знания, которые привносит новая эпоха, исследователь непроизвольно проговаривается о корыстном интересе новых эпох, которые оценивают то, что им «доступно и нужно». Картина усложняется, рядом с прогрессом неизбежно проявляется конъюнктурный интерес, который не приближает, а искажает фигуру поэта (это наблюдается и на современном этапе нашей жизни). Приходится считаться с тем, что са-

мо восприятие носит двойственный, субъективно-объективный характер. «Непредвзятого» мнения просто не существует. Взятые «пред» — это и личные качества исследователя, и его компетентность, зрелость. Сколько людей, столько и мнений. Наряду с этим законно и стремление к объективности высказываемых суждений.

Пушкин до самого конца сохранил детскую любознательность. Ему чужд дидактизм, он неутомим в познании предметов и явлений. Поэт часто прибегает к предельному заострению мысли. Возникающая неприемлемая для него односторонность компенсируется поиском альтернативных решений. Но в результате именно в пушкиноведении складывается своеобразнейшая ситуация. С. В. Денисенко сопоставил материалы советской и русской эмигрантской периодики юбилейного для Пушкина 1937 года. Автор приходит к выводу о контрастном единстве мифологизации поэта; никто другой из писателей мирового уровня не обрастал таким обилием противоположных оценок: «Пушкин же — одновременно монархист и демократ, атеист и христианин, россиянин и космополит, русский и "потомок негров", развратник и семьянин (и т. д. и т. п.) — так удобен. И он такой... "наш"! Пушкин, Пушкин... Пушкин — наше все!» [2, с. 72]. Что совершенно уникально, никакие из этих или подобных крайних определений не голословны, а подкрепляются фактами. Но из этого следует, что избирательный (в угоду своим пристрастиям) подход заводит в тупик, что нельзя, обнаружив интересные факты, торопиться строить на них концепцию. Претендующая на достоверность пушкинская концепция должна быть подобна радуге и опираться одним плечом на один ряд фактов, а другим — на прямо противоположный: только в этом случае она станет подлинно диалектической и будет соответствовать особенностям пушкинского мировосприятия.

Концепция С. Франка односторонняя, но надо отдать должное исследователю: он выбирает тему не по моде, а по интересу и делает много дельных, порою тонких наблюдений (так, он выделяет «политический радикализм» Пушкина в «кишиневскую эпоху»; я бы локализовал этот радикализм первой половиной 1821 года). И односторонность заметна, так что нуждаются в уточнениях и верные в своей основе утверждения. Имея в виду либерализм молодого поэта, С. Франк замечает: «Политические идеалы Пушкина были, в сущности, и тогда довольно умеренными: они сводились помимо освобождения крестьян к идее конституционной монархии...» [4, с. 40]. Это верная и точная расшифровка позиции поэта. Но консерватизм позиции компенсируется бурным поэтическим темпераментом; поэтические строки, избыточные романтическими эмблемами, лишь намекающими на предмет, звучат зажигательнее, чем их реальный сдержанный смысл.

Исследователь склонен преуменьшать оппозиционность Пушкина: «"Вольнолюбивые мечты" ... соединялись в ту пору у Пушкина, как известно, с буйным молодым весельем и в этом слое душевной жизни явно не имели серьезного значения» [4, с. 40]. Если б это было так, мятежники после 14 декабря подлежали бы забвению. На деле видим иное. Свидетельствует А. Ахматова: «Пушкину не надо было их вспоминать: он просто их не забывал, ни живых, ни мертвых» [1, с. 157].

С. Франк признает только возрастное изменение взглядов поэта: «Политическое мирозерцание Пушкина, начиная с 1826 года, окончательно освобождается и от юношеского бунтарства, и от романтически-либеральной мечтательности и является как глубоко государственное, изумительно мудрое и трезвое сознание, сочетающее принципиальный консерватизм с принципами уважения к свободе личности и к культурному совершенствованию» [4, с. 54]. Этот тезис становится опорным: «С 1826 – 1827 годов политическое мировоззрение Пушкина существенно уже не изменялось...» [Там же, с. 55]. Это – явное упрощение.

Личная судьба поэта оказалась в прямой зависимости от работы следственной комиссии по делу декабристов. Поскольку прямого участия Пушкина в заговоре не было, оставалась надежда не только не усугубить наказание, но освободиться от прежнего. Но с каким чувством принимает Пушкин освобождение? Он пишет в официальном по тону письме к Жуковскому: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости» [3, т. 10, с. 158]. Здесь нет раскаянья в былом вольнодумстве и отречения от него! Это шаг к компромиссу – да, но не более того.

Свой шаг к сближению с правительством Пушкин делает вполне осознанно. Сам поворот нет оснований воспринимать неожиданным. Пушкин гордится своим шестисотлетним (по отцу) дворянством, имея в виду в первую очередь обязанность мыслить государственно. Потомственный дворянин – верноподданный государя, но в той степени, в какой его воззрения совпадают с царским повелением, что бывает не всегда («Упрямства дух нам всем подгадил» [Там же, т. 3, с. 198], с удовлетвореньем отметил поэт в «Моей родословной»). И творчество Пушкина после 1826 года не однотонно (по С. Франку), а движется по двум линиям – государственнической и оппозиционной.

Положение поэта вблизи правительства Пушкин пробует понять как способ влиять на него. Попытка «урока царям» предпринята в «Стансах» (1826) и мотивирована в послании «Друзьям» (1828). Та же позиция подтверждена даже в написанной по царскому повелению за-

писке «О народном воспитании» (1826). Успеха на этом пути поэт не имел, но первой осечки было еще мало, чтобы менять позицию. Она повторена в 1831 году как реакция на польское восстание («Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина»). При этом государственническая позиция Пушкина не нуждается в искусственном взбадривании: стихи и мысли, высказанные в письмах поэта (причем разным адресатам!), вполне созвучны.

Пушкин одобряет ряд действий правительства, потому что с ним солидарен; у него нет пиетета перед правительством только потому, что оно — правительство. Наиболее резкое расхождение наблюдается в отношении к декабристам. Царь, напуганный четырнадцатым декабрём, был жесток и мстителен; Пушкин очень надеялся на его милосердие. Поэт обманулся в своих ожиданиях — в том не его вина. Для него каторжники навсегда останутся «друзьями, братьями, товарищами». Это закреплено в целом ряде произведений: «И. И. Пущину» (1826), «Во глубине сибирских руд...», «Арион», «19 октября 1827» (1827), «Эпитафия младенцу» (1828), «Когда порой воспоминашь...» (1830). С. Франк счел нужным отметить, что «в отрывках 10-й главы Онегина Пушкин дал уничтожающую характеристику декабристов...» [4, с. 51], распространив на все движение пушкинскую оценку раннего либерального брожения. Между тем поэт включил декабристскую тему в печатный текст романа — как звено портрета своей многоликой музы в восьмой главе:

И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей [3, т. 5, с. 143].

А в серию заключительных прощаний включена и такая персоналия: «Иных уж нет, а те далече...» [Там же, с. 163]. Не об отвлеченном гуманизме, а о конкретном заступничестве за сибирских узников идет речь и в итоговом «Памятнике»: «И милость к падшим призывал» [Там же, т. 3, с. 340].

Компромиссная позиция — уязвимая позиция. Человеком посередине недовольны и те, кто слева, и те, кто справа. Приходилось выбирать. Для Пушкина важной вехой на этом пути стало стихотворение «Анчар» (1828). Власть (князь, царь) показана более опасной, чем древо яда, которое грозит гибелью живому только локально, вокруг себя, тогда как человек, по воле владыки, посредством напитанных ядом послушливых стрел широко раздвигает зону гибели. «Анчар» — отчет-

ливый знак остережения для поэта на его пути сближения с правительством. Но принять жесткое решение Пушкин не торопится. Понадобился и еще опыт общения с царем в начале 1830-х годов. А было ли принято окончательное решение? Если да, каково оно?

Сравним два стихотворения — «Стансы» и «Пир Петра Первого» (1835). В обоих во главу угла, примером для подражания выдвинута фигура Петра, царя-преобразователя. В обоих из многогранной деятельности монарха (пожалуй, даже несколько нарочито) выделено его милосердие. Существенная разница в том, что в первом случае есть прямое напутствие Николаю следовать великому пращуру «во всем», но непременно и в милосердии («будь... памятью, как он, незлобен») [3, т. 2, с. 307]. Опять-таки это пожелание не абстрактное, а конкретное: да, бунтовщики нарушили закон, они наказаны; но это не уголовные преступники, они хотели добра России; правительство показало свою силу, и оно подтвердит силу, проявив милосердие.

В 1835 году ждали царского манифеста к десятилетию царствования; такие, как Пушкин, ждали освобождения каторжников. Манифест появился, но ожидаемого милосердия в нем не было. «Пиром Петра Первого» Пушкин, вместо традиционной программной статьи издателя, открыл свой журнал «Современник». «Пир...» очень своеобразно перекликается со «Стансами», где был прямой «урок» царю. В «Пире...» урока нет, зато переключкой стихотворений есть прямой укор: великий монарх умел отпускать подданным их вину, а ты...

Нелегко решался вопрос, где быть: в союзе с властью — или в оппозиции к ней. Напряжение рождало и усталость, искавшую разрядку даже в мечтах о несбыточном («Монастырь на Казбеке», 1829) или в симпатии к образу жизни, явно недоступному в личном плане («К вельможе», 1830). Последнее из прерванных судьбою размышлений —

Зависеть от царя, зависеть от народа —
 Не все ли нам равно? Бог с ними.
 Никому
 Отчета не давать...

Из Пиндемонти

При всем том политический интерес Пушкина в последние годы его жизни ничуть не слабеет. Так в лирике («Он между нами жил», «Песни западных славян», 1834, «Полководец», 1835). Тут даже подмывает сетовать на темперамент поэта: себе дороже было гусей дразнить («На выздоровление Лукулла», «В Академии наук», 1835). Так в поэмах «Медный всадник» и «Анджело» (1833). Так и в прозе:

«Дубровский» (1832–1833), «История Пугачева» (1833), «Капитанская дочка» (1835). Да, для «чистого искусства» это явно тяжеловато.

Итак, не отбирать выгодные для себя факты, а видеть всю их совокупность – вот первое условие для выработки претендующей на достоверность пушкиноведческой концепции. Но даже и единичный факт надо уметь видеть в его диалектической противоречивости. С. Франк пишет о поэте: «Он с ужасом думал о крестьянских бунтах – "не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!"» [4, с. 65]. Так оно и есть на деле, и не поспоришь ни с поэтом, ни с критиком. Но факт надо видеть объемно: в нем и предостережение правительству. Ничего отрадного в русском бунте, и пусть он бессмысленный, но он прорвется, если не побеспокоится власть. Так было в истории: выхолостили помещики крестьянскую реформу, а в результате получили, что заслужили: крестьяне поддержали революции в 1905 и 1917 годах.

Будем опираться одним плечом на один ряд фактов, а другим – на противоположный – увидим все многоцветие радуги. И это не самоцель. Только так мы приблизимся к пониманию Пушкина.

Список литературы

1. Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки. Горький, 1984.
2. Денисенко С. В. Пушкин 1937 года. Каким он был? (По материалам советской и русской эмигрантской периодической печати) // Четвертая международная Пушкинская конференция. СПб., 1997.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1977–1979.
4. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. М., 1999.

Сергей Кибальник
(Санкт-Петербург)

**С. Л. ФРАНК
И ЕГО СТАТЬЯ «ПУШКИН
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ»**

Работы о литературе русских религиозных философов XX века до сих пор не оценены по достоинству. Они находятся как бы в тени славы обширного наследия М. М. Бахтина, который сам многим был обязан религиозно-философской критике XX века, но в большей степени по сравнению с ее представителями сосредоточился на специфических проблемах эстетики и поэтики. Между тем русская религиозно-философская критика до сих пор остается ничем не заменимым источником, коль скоро речь заходит не о чистом

литературоведении, а о «познании литературы», как его понимал С. Л. Франк в статье «О задачах познания Пушкина» [4, с. 60]. Трудно спорить с тем, что наиболее глубокие работы о русской литературной классике XIX века были написаны именно в 1920–1950-е годы, причем значительная часть из них — в эмиграции. Эта высокая оценка в полной мере относится и к статьям С. Л. Франка о Пушкине, Тютчеве, Льве Толстом, Достоевском, Гёте, Ф. Шлейермахере, Рильке, и к его менее известным работам о Гоголе, Эртеле, Бунине, Мережковском, Ф. Сологубе, Вяч. Иванове, Блоке, Горьком [7]. Особенно замечательны «Этюды о Пушкине», которые философ еще в 1930-е годы задумал как отдельную книгу, так, к сожалению, в полном объеме и не написанную [11, с. 50; 7], и которые даже в эмиграции выдержали целых три из-

дания [2–4], а в СССР с началом перестройки недаром были целиком включены в антологию «Пушкин в русской философской критике» [9].

Статья Франка «Пушкин как политический мыслитель» (1937) [1] далеко не в последнюю очередь представляет собой, конечно же, попытку противопоставить сложившемуся и достигшему в то время апогея сталинскому мифу о поэте-декабристе действительную сложную картину «политического мировоззрения» Пушкина [4, с. 29]. Поэт оказался для философа историческим подтверждением одной из основных политических идей Франка о том, что в реальной жизни четкое разделение на «правое» и «левое», на консерватизм и либерализм встречается не всегда и что нередко более правомерным оказывается соединение этих двух начал [6].

Пушкин, с точки зрения Франка, именно «в качестве ума конкретно-реалистического никогда не мог быть связан партийно-политическими догмами» [4, с. 46]. Принципиально важно здесь это подчеркивание философом «конкретно-реалистической» природы ума Пушкина. Оно соответствует общему представлению Франка о «предметном» характере литературы вообще и художественного мышления Пушкина в частности [Там же, с. 29; 11, с. 24–29; 12, с. 23–24] и связано с феноменологическими началами в мировоззрении философа, а именно с его представлением об «абсолютно безусловном самооткрывающемся бытии», которое «существует и не вне нас и не в нас — или, более того, — одновременно и там, и там, потому что мы *существуем в нем*» [5, с. 67–68; см. подробнее: 13, с. 80].

Итак, с точки зрения Франка, «политическое мировоззрение Пушкина есть консерватизм, сочетающийся однако с напряженным требованием свободного культурного развития, обеспеченного правопорядка и независимости личности, — т. е. в этом смысле проникнутый либеральными началами» [4, с. 47]. При этом органическая связь между двумя этими противоположными принципами осуществляется «через идею, что свобода духовной жизни и культуры обеспечивается именно блюдением культурной преемственности общественных слоев, которые являются ее носителями. Требование уважения к родовому дворянству имеет в этой связи не только консервативный, но и либеральный смысл» [Там же, с. 52].

Консерватизм Пушкина Франк называет «истинным консерватизмом, основанным на преемственности культуры и духовной независимости личности и общества» и направленным «против опасности цезаристски-демократического деспотизма» [Там же, с. 56]. Традиционное понимание консерватизма и либерализма как оппозиции двух «комплексов признаков: "монархия — сословное государство — деспотизм" и "демократия — равенство — свобода", которые противостояли

друг другу как "правое" и «левое» мирозерцания» Пушкин, по мнению Франка, «заменяет совсем иной группировкой признаков. "Монархия — сословное государство — свобода — консерватизм" выступают у него, как единство, стоящее в резкой противоположности к комплексу "демократия — радикализм" ("якобинство") — "цезаристский деспотизм"». Эту непростую схему сам философ поясняет простой формулой: «Где нет независимых сословий, там господствует равенство и развращающий деспотизм» [4, с. 56 — 57].

Тонкое соображение Франка, с одной стороны, снимает с Пушкина как убежденного противника «новой знати» и сторонника родового дворянства распространенные обвинения в «аристократизме», а с другой — объясняет его резкое неприятие демократии, прежде всего, разумеется, американского образца (статья «Джон Теннер», 1836; стихотворение «Из Пиндемонти», 1836).

Любопытно, что Франк развивает взгляд на Пушкина, заявленный еще П. А. Вяземским [10]. На это обратил внимание П. Б. Струве в приложении к первому изданию статьи философа, изданной отдельной брошюрой [1]. Однако при этом у самого Струве в его предисловии к брошюре Франка все время происходит перекокс в сторону Пушкина-консерватора, Пушкина-монархиста, которого счастливо избежал сам Франк: «Но Пушкин так же непосредственно ощущал, любил и ценил начало власти и его национально-русское воплощение...»; «Николай I к доступному ему духовному миру поэта и к его душевным переживаниям относился со своей точки зрения — *внимательно и даже любовно*»; «Строй политических идей даже зрелого Пушкина был во многом похож на политическое мировоззрение Николая I, но тем значительнее выступает непререкаемая личная связь между ними...» [2, с. 6 — 7].

Все эти декларации выглядят, безусловно, надуманными на фоне последнего периода жизни и творчества Пушкина, который, к сожалению, не совсем верно освещает и Франк. Он почему-то считает его «отчетливо консервативным», что верно применительно к 1830 — 1833 годам, но не к 1834 — 1836-м. Основной пафос стихотворения «Из Пиндемонти» (1836) Франк обтекаемо называет «как бы дуализмом принципов государственной власти и духовной независимости». Справедливо сопоставляя это стихотворение с известными словами в письме к жене: «Без политической свободы жить очень можно, без семейственной неприкосновенности (*iviolabilité de famille*) невозможно. Каторга не в пример лучше» [4, с. 122], он, однако, несколько мягкотело истолковывает его: «Пушкин не требует права на активное участие в политической жизни и не дорожит им; он требует лишь духовной независимости личности, простора и нестесненности духовной жизни и творчества» [Там же, с. 51].

Однако Пушкин вообще ничего в этом стихотворении не требует: он утверждает в качестве своих главных ценностей именно личную свободу и внутреннюю независимость, по сравнению с которыми любые формы государственного и общественного устройства представляются ему второстепенными и даже, может быть, и не имеющими особого значения. В особенности в контексте вышеприведенного сопоставления видно, что это, несомненно, проявление глубочайшего разочарования Пушкина в русской власти и общественном устройстве, которое ясно выразилось и в известном письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года. Разочарование это не в последнюю очередь касалось не только слабости общественного мнения, но и монархии и лично Николая I. Все скрытые намеки (тема «милосердия») и прямые призывы Пушкина помиловать декабристов хотя бы спустя десятилетие после того, как они понесли наказание, так и не были услышаны. Между тем личное поведение царя давало больше оснований для появления в творчестве Пушкина образов сладострастного клятвопреступника Дадона и «сурового» лицемера Анджеоло, чем для ассоциаций с Петром Великим.

Значительная часть творчества Пушкина последних лет жизни имеет, в сущности, криптографический характер. В нем скрыто выражена не только драма утраты им политических и общественных иллюзий, но и трагедия вторжения государства в сферу его собственной семейной жизни. А в довершение ко всему это государство не сделало ничего, чтобы предотвратить гибель первого поэта России в собственной столице от руки иностранца, который, как стало известно из его сравнительно недавно опубликованных писем [15], был агентом спецслужб и, следовательно, «фигурой в высшей степени зависимой, подконтрольной и абсолютно управляемой. ...достаточно было шевельнуть пальцем, чтобы его унять» [16, с. 198 – 199].

Справедливости ради следует отметить, что в 1937 году, когда в Советской России пытались целиком и без остатка вписать Пушкина в историю русского освободительного движения, трудно было вовсе избежать этого перекоса. Показательно, что автор опубликованной в том же году, что и брошюра Франка, известной статьи «Певец империи и свободы» Г. П. Федотов также проходит мимо разочарования Пушкина в последние годы его жизни не только в империи, но и в эгалитаристских идеалах вообще [17; 9, с. 356 – 375].

В контексте современной политической жизни статья Франка, как и творчество Пушкина в целом, разумеется, может быть использована для обоснования самых разных политических доктрин и тенденций. В последние годы это делается в основном для того, чтобы подчерк-

нуть в Пушкине консервативное и даже монархическое начало. Однако само творчество поэта в его полном объеме решительно этому противится (см. об этом: [16; 18]). И вдобавок, как всякое настоящее искусство, оно амбивалентно и не столько может быть сведено к какой-либо одной политической доктрине или тенденции (даже такой неоднозначной, как «консервативный либерализм»), сколько само вскрывает односторонность и недостаточность тех или иных рационалистически обоснованных доктрин.

Список литературы

1. Франк С. Пушкин как политический мыслитель. С предисловием и дополнениями П. Б. Струве. Белград, 1937.
2. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957.
3. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Лондон, 1978.
4. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Париж, 1987.
5. Франк С. Л. Русское мировоззрение / сост. и отв. ред. А. А. Ермичев. СПб., 1996.
6. Франк С. Л. По ту сторону правого и левого : сб. ст. / под ред. В. С. Франка. Париж, 1972 (Впервые: Числа. Париж, 1931. Кн. 4.).
7. Frank S. Bibliographie des oeuvres. P., 1980.
8. С. Л. Франк. Саратовский текст. Саратов, 2006.
9. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. М., 1990.
10. Вяземский П. А. «Цыганы». Поэма Пушкина // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. : в 12 т. М., 1878. Т. 1. С. 321–325.
11. Гапоненков А. А. А. П. Скафтымов и С. Л. Франк // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре. Саратов, 2010. С. 40–54.
12. Кибальник С. А. Художественная философия Пушкина. СПб., 1998.
13. Кибальник С. А. Художественная феноменология Чехова // Образ Чехова и чеховской России в современном мире : сб. ст. СПб., 2010. С. 18–28.
14. Невлева И. М. Философия культуры С. Л. Франка. СПб., 2007.
15. Витале С., Старк В. П. Черная речка. До и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. СПб., 2000.
16. Гуревич А. М. Сокровенные смыслы. Статьи о Пушкине (1984–2011). М., 2011.
17. Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Федотов Г. П. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С. 243–268 (Впервые: Современные записки. 1937. Т. 63. Апрель).
18. Кибальник С. А. Почему Гоголь «открыл тайну» пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один...»? // Восьмые Гоголевские чтения. М., 2009. С. 120–135.

**РУССКИЕ
В ЕВРОПЕ:
ПУТЕШЕСТВИЯ**

Многие русские путешественники, глядя на мелькавшие за окном вагона картины ухоженных городов и сел, налаженного быта, здоровых и довольных жизнью обывателей, разумно устроенной жизни, как заметил М. Е. Салтыков-Щедрин, не могли не испытывать чувство «какой-то непобедимой неловкости». И хотя великий сатирик оговаривался, что не считает «пруссские порядки совершенными и прусского человека счастливейшим из смертных», все-таки признавался, что если удел русского — неволя и бесправие, то немца — свобода и достоинство...

Ю. Костяшов

Юрий Костяшов
(Калининград)

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ ИЗ ОКНА ВАГОНА КУРЬЕРСКОГО ПОЕЗДА

Для большинства русских путешественников, выезжавших за пределы отечества по железной дороге, знакомство с границей начиналось с Восточной Пруссии. Первые впечатления от увиденного из окна вагона курьерского поезда, зачастую оказывавшиеся самыми яркими и интересными, нашли отражение в многочисленных дневниках и воспоминаниях наших соотечественников, среди которых было немало государственных деятелей, видных дипломатов, известных ученых, знаменитых писателей, выдающихся музыкантов и пламенных революционеров.

Из истории строительства железной дороги Петербург – Берлин

В 1846 году началось строительство прусской Восточной железной дороги. Прокладка главного пути от Берлина до Кёнигсберга была завершена в 1853 году. Знаменитый географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914) вспоминал, что в 1855 году добирался из Берлина до Кёнигсберга по железной дороге, «но так как далее ее не существовало, то я в наемном экипаже должен был следовать до пограничного местечка Таурогена» [1, с. 287]. Год спустя сенатор Ф.Г. Тернер (1828–1906), возвращаясь из-за границы, также был вынужден ехать от Кёнигсберга на перекладных до Луги – ближайшей к российской столи-

це железнодорожной станции: «Трудно представить себе то наслаждение, которое мы почувствовали, пересев после нескольких дней странствия в холодном экипаже в теплый и уютный вагон» [2, с. 161 – 162]. Дорога от Берлина до Кёнигсберга занимала всего 13 часов. А дальше счет шел на дни и недели.

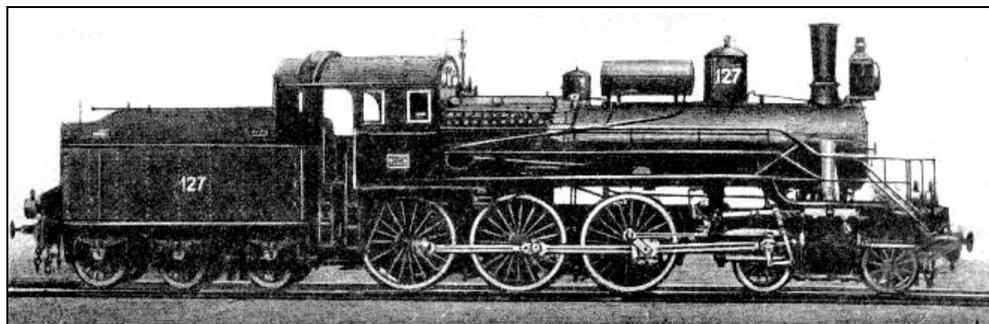

Рис. 1. Русский паровоз. Брянский завод. 1903 год. Скорость до 120 км/ч. Средняя скорость движения курьерского поезда в 1860-е годы составляла 50 км/ч по территории Пруссии и 40 км/ч в России

Н. А. Некрасов (1821 – 1877), возвращаясь из почти годового путешествия по Европе в июне 1857 года, написал И. С. Тургеневу, что ему повезло: «Ехал я из Кёнигсберга дней восемь — оттого не очень устал» [3, с. 301]. Впрочем, отголоски досады и испытанных поэтом в дороге неудобств слышны в его известном сатирическом стихотворении: «Наконец из Кёнигсберга / Я приблизился к стране, / Где не любят Гуттенберга...» [Там же, с. 304].

В 1857 году Россия заключила с Пруссией «Конвенцию о соединении Петербургско-Варшавской железной дороги с Берлинско-Кёнигсбергской». При этом оба правительства брали на себя обязательства проложить железнодорожный путь до точки соединения в Эйдткунене, а окончание строительства и начало движения, которое планировалось на 1860 год, должно было «последовать на обоих участках одновременно» [4, с. 461 – 467]. Пруссия свои обязательства выполнила первой: сообщение между Кёнигсбергом и Эйдткуненом (совр. Чернышевское) открылось 4 июня (по н. ст.) 1860 года. Строительство российской ветки проходило медленнее: дорога от Ковно (Каунаса) до Вержболово (лит. Вирбалис, нем. Вирбаллен) была введена в эксплуатацию в апреле 1861 года. Но и после этого оставался недостроенным еще один самый трудный участок пути. Писатель и публицист, сотрудник

журнала «Современник» М. Л. Михайлов (1829–1865) так описывает свое «путешествие с пересадками» в мае 1861 года: «Нельзя сказать, чтобы переезд от Динабурга (Даугавпилса. — Ю. К.), где прерывается железная дорога, до Ковно, где она опять начинается, был приятен и удобен. Почтовая карета кажется особенно тряскою, если пересесть в нее из спокойного вагона; а нам пришлось провести в ней всю ночь и, разумеется, не спать, а только чутко дремать» [5, с. 431–432].

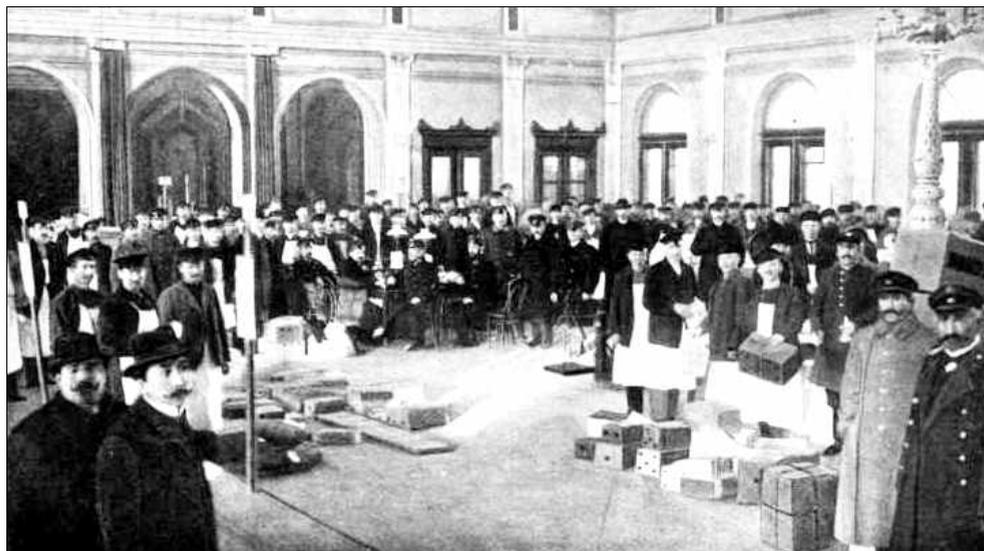

Рис. 2. Таможенно-ревизионный зал на пограничной станции Вержболово. Почтовая открытка. 1906 год

Наконец, с сооружением в 1862 году двух тоннелей под Вильно (430 м) и Ковно (1280 м) строительство железной дороги завершилось. Отныне из Петербурга можно было на курьерском поезде напрямик доехать до Парижа — этот маршрут писатель Н. С. Лесков не без иронии окрестил «столбовой русской дорогой» [6, с. 499]. Единственное неудобство состояло в необходимости пересаживаться на другой поезд, так как более широкая русская колея не соответствовала принятому в Европе стандарту. По этой надобности прусская колея была проложена до Вержболово, а русская доходила до вокзала в Эйдткунене, кроме того, между ними курсировал «передаточный пограничный поезд» [7, с. 6]. Позднее русские вагоны стали переставляться на узкую немецкую колею прямо в Вержболово с заменой осей, так что, по сви-

детельству старого революционера М. Н. Лядова (1872 – 1947), «не надо было выходить на границе из вагона и самому показываться на глаза жандармам» [8, с. 118 – 119].

Расписание движения курьерских поездов в 1867 году

Курьерские поезда Берлин – Эйдткунен, Вержболово – Санкт-Петербург			Курьерские поезда Санкт-Петербург – Вержболово, Эйдткунен – Берлин		
Станция	Прибытие	Отправление	Станция	Прибытие	Отправление
Берлин	–	23.15	Санкт-Петербург	–	11.30
Кюстрин	00.59	01.05	Вержболово	11.00	11.25
Бромберг	06.00	06.18	Эйдткунен	11.30	13.26
Эльбинг	09.58	10.04	Инстербург	14.35	14.45
Кёнигсберг	12.25	12.55	Кёнигсберг	16.18	16.43
Инстербург	14.44	14.52	Эльбинг	18.55	19.01
Эйдткунен	16.10	16.35	Бромберг	22.33	22.45
Вержболово	16.40	18.35	Кюстрин	03.12	03.18
Санкт-Петербург	19.00	–	Берлин	05.00	–

Историк В. И. Модестов (1839 – 1907) в своих мемуарах описал, какое действие произвело на русское общество открытие весной 1862 года железной дороги до прусской границы: «Массы русских людей всякого рода и звания хлынули в Западную Европу, которая тогда представлялась еще очень заманчивою и поучительною для нас во всех отношениях. Ехали старые, ехали и молодые...» [9, с. 385]. Вслед за открытием дороги произошла либерализация выездного режима. Еще в 1860 году Н. А. Добролюбов (1836 – 1861) возмущался чудовищной волокитой с выдачей паспорта: «Свиньи, таскали меня целый месяц, насилу выпустили» [10, с. 258]. Но затем, по свидетельству писателя П. Д. Боборыкина (1836 – 1921), подданным царя вышло послабление: «"За границу" кинулись к 60-м годам все, кто только мог. Рухнули николаевские порядки, когда паспорт стоил пятьсот рублей, да и с таким неслыханным подбором вас могли – и очень! – не пустить. Теперь это сделалось банально» [11, с. 405].

«Картина изменилась, как бы волшебством»

Вслед за А. И. Герценом (1812 – 1870), который еще в 1847 году сравнил пересечение границы Восточной Пруссии со сменой декорации в театре [12, с. 25], разительные перемены за окном вагона отмечали почти все русские путешественники. М. Е. Салтыков-Щедрин (1826 – 1889) в цикле путевых очерков «За рубежом» о поездке 1880 года заметил, что вплоть до Вержболово «никому из нас не приходило в голову выглядывать в окна и любопытствовать, какой из них открывается пейзаж». «В Эйдткунене, – пишет автор, – картина изменилась, как бы волшебством. <...> ...[все] тотчас же бросились к окнам и начали смотреть» [13, с. 13]. Ф. И. Шаляпин (1873 – 1938), отправившись первый раз за границу в 1897 году, писал с дороги: «Проехав границу, смеялся и почти плакал... Переменилось все сразу – и культура, и природа» [14, с. 397].

Рис. 3. Станция Вержболово (совр. Вирбалис).
Часовой на русско-германской границе. Почтовая открытка. Около 1910 года

Типичные впечатления об увиденном в Восточной Пруссии тех русских путешественников, которые жадно приникали к окнам вагонов, удалось в полной мере отразить географу и публицисту Н. В. Яковлевой в очерке «По Пруссии»:

С переменой русских вагонов на немецкие в Эйдткунене переменятся и характер путешествия: поезд тотчас пошел гораздо скорее, и чем дальше, тем все усиливал стремительность своего бега... Смотря направо и налево, я замечаю, что немцы недаром пользуются репутацией солидных людей: все у них массивно, капитально, на крепком фундаменте, все рассчитано если не на вечность, то по крайней мере на прочную долговечность. Станции большие и маленькие — все до одной каменные, с цинковыми крышами, с металлическими колпаками над трубами; в садиках дубовые скамьи, вокруг — чугунные решетки... Мы едем точно садом: все размерено, рассчитано и отлично возделано. Пашня как будто просеяна сквозь решето; фруктовые деревья с подпорками; везде протянуты на полях проволоки; в лесах, похожих на парки, проведены дорожки, поставлены скамейки.

Дома, расположенные небольшими группами, отделены один от другого живою изгородью, под тенью какого-нибудь столетнего дуба или клена, который передается из рода в род как фамильная драгоценность. Дома попадаются часто двухэтажные, в три-четыре окна, не больше, но все непременно крыты черепицей, все непременно в цветах и с большими кисейными занавесками над крошечным балкончиком, похожим на скворечник. В постройках преобладает красный цвет: красные черепичные крыши, красные кирпичные стены. Это оживляет пейзаж: домики как будто цветут среди густой зелени садов...

Поезд несется, и... перед окнами вагонов непрерывной вереницей тянутся местечки, селения, замки, города. Но и города у них не такие, как наши: у нас прежде всего показываются купола, кресты, колокольни; у них — фабричные трубы, нагроможденные уступами красные и серые стены, крутые черепичные крыши, да одна, много две кирпичи на целый город поднимают к небу свои похожие на башенки колокольни... [15, с. 256–257].

Музыкальный критик М. В. Станиславский, посетивший Восточную Пруссию в 1912 году, заметил в очерке воспоминаний: «Первое, что бросается в глаза при переезде русско-германской границы, это невероятно увеличившееся благосостояние всей немецкой страны и ее населения... Так, например, городское население поражает прямо своим необычайно сытым и довольным видом. Чернорабочие, поденщи-

ки, уличные метельщики, грузчики, портовые рабочие, ломовые извозчики не представляют в этом отношении ни малейшего исключения, все выглядят здоровыми, опрятно одетыми и с охотой исполняющими свои обязанности людьми» [16, с. 395].

Рис. 4. Вокзал в Эйдткунене. Открытка начала XX века

Драматург А.Н. Островский (1823–1886) как бы подытожил чувства, испытанные множеством его соотечественников, записав в путевом дневнике в 1862 году: «Поля возделаны превосходно, унавожены сплошь, деревни все каменные и выстроены чисто, на всем довольство. Боже мой! Когда-то мы этого дождемся!» [17, с. 43].

Такие разные впечатления

Среди множества восторженных отзывов редко, но попадаются критические высказывания. Художнице и известной мемуаристке М.К. Башкирцевой (1860–1884) по дороге пришлось сделать остановку на два дня, которая была отмечена в дневнике записью 21 июля (2 августа) 1876 года: «Еще сутки в Эйдткунене — как вам это нравится? Се-

рое небо, холодный ветер, несколько бедных евреев на улице, стук телеги от времени до времени и всевозможные невыносимые беспокойства!» [18, с. 108].

Очень критически отзывалась о Восточной Пруссии А.Г. Достоевская (1846–1918), жена знаменитого писателя, которой не нравилось решительно всё: на пограничном переходе у них «перерыли все чемоданы и мешки», «Федя едва не поссорился с кондуктором», «кофе очень дурной», «чаю достать положительно невозможно», а «по дороге за все следует платить зильбергрошами, даже за то, если бы мне вздумалось сходить кое-куда, так следует заплатить один Silb.» [19, с. 6–7]. Вернувшись в 1871 году на родину из следующей поездки за границу, Анна Григорьевна не удержалась от восклицания: «...Сознание того, что мы едем по русской земле, что вокруг нас все свои, русские, было до того утешительно, что заставляло нас забывать все дорожные невзгоды. Мы с мужем были веселы и счастливы и спрашивали друг друга: неужели правда, что мы наконец в России?» [20, с. 198–199].

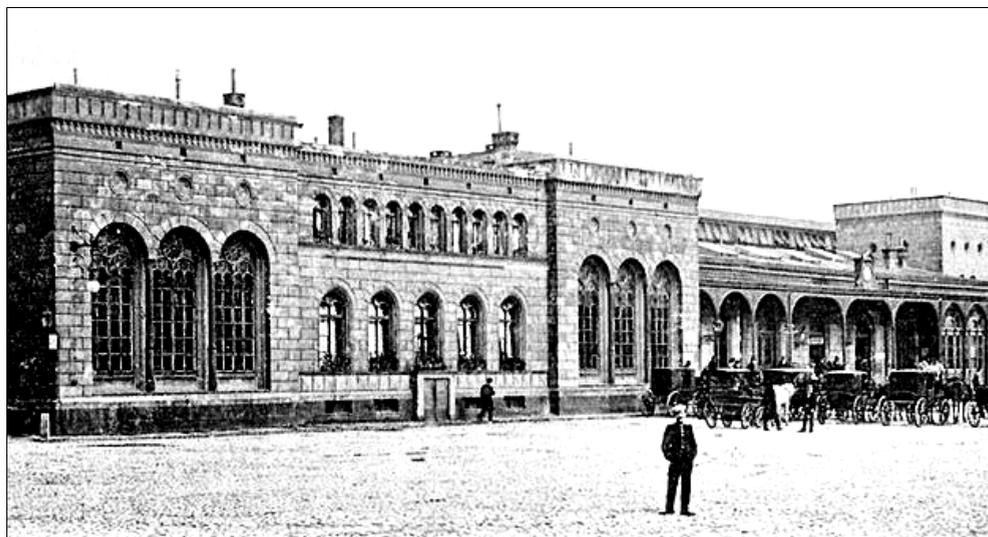

Рис. 5. Восточный вокзал в Кёнигсберге. Открытка рубежа XIX–XX веков

Настоящий приступ тоски вызвал переезд через границу в конце 1887 года у П.И. Чайковского, который в письме брату жаловался: «Пил так много по сему случаю коньяку, что еще до Берлина выбросил пустую бутылку, которая при выезде была полна» [21, с. 293].

Специфическим был взгляд на пересечение русско-прусской границы у профессиональных революционеров, документы которых не всегда отличались исправностью. Неудивительно, что им всюду мере-

щились переодетые жандармы. Один из организаторов контрабандной доставки нелегальной литературы А. Л. Брейтфус (1886 — после 1933) вспоминал об этом времени: «Условия были крайне тяжелые. Бдительное око русских жандармов и пограничников было на высоте своего призвания. Так, например, перед Эйдткуненом уже в Шталопенене (Германия) и даже дальше можно было на станциях встретить развязных русских "шпигов", одетых по-дорожному и следящих за всеми русскими, отправляющимися на родину» [22, с. 170 — 171]. У другого революционера, народовольца Н. А. Морозова (1854 — 1946), возвращение на родину в 1875 году вызвало тягостное чувство: «Странно было впечатление России после заграницы! Казалось, мы прибыли в военный лагерь. Везде мундиры со светлыми пуговицами... Вся платформа была оцеплена полицией» [7, с. 6].

Иногда по пути следования случались и неожиданные встречи. Историк Г. А. Воробьев (1860 — 1907) на вокзале в Иоганнисбурге (совр. г. Пиш в Польше) вдруг услышал, как кто-то пел: «Разлука, ты, разлука — / Чужая сторона! / Никто нас не разлучит — / Ни солнце, ни луна...» «Что такое? — восклицает путешественник. — Русская песня здесь, за границею, в Пруссии! Спешим выглянуть на платформу... Пели молодые девушки в платьях русского покроя и в платочках, подвязанных под подбородком. Из расспросов мы узнали, что они — русского происхождения, родились и проживают недалеко от Иоганнисбурга, в деревне. Не подлежало сомнению, что девушки были так называемые филиппонки (русские староверы филипповского согласия. — Ю. К.). Расспросам нашим о их житье-бытье, к сожалению, помешал поезд» [23, с. 642].

«Себя как в зеркале я вижу...»

Давно известно, что путешественники за границей всегда сопоставляют увиденное с тем, что они оставили у себя на родине. Более того, взгляд на чужую жизнь и культуру помогает лучше понять и оценить самих себя [24 — 26].

Русские путешественники часто сравнивали прусскую и русскую железные дороги, увы, всегда в пользу первой. Миллионер и раскапиталист В. А. Кокорев (1817 — 1889) считал, что у немцев «дорога сделана для людей, а не для пустырей, как у нас», и поэтому она «есть истинное оживление для всей Восточной Пруссии». «Никакой тряски, ни

малейшего дребезжания стекол, — продолжает мемуарист. — Рельсы в их стыках свинчены. Станции чисты, везде буфеты с отличными бутербродами... Езда гораздо скорее нашей, излишней траты времени на станции нет. Дорога так покойна, что никакого утомления не ощущается» [27, л. 29 об. — 30]. Еще одно свидетельство П. И. Чайковского (1840—1893) о своей заграничной поездке в декабре 1892 года: «Ничего не может быть хуже, как мой переезд из Петербурга в Эйдткунен. Ехал я в самом пакостном вагоне... Неудобно, грязно, двери не запираются, звонок все время звонит, и в довершение всего испортилась печь, и мы спали при 4 или даже 3 градусах температуры!!! Мыться тоже нельзя было, ибо трубы испортились и вода в них обратилась в лед...» И вот наконец граница: «В Эйдткунене пересел в превосходный теплый вагон. Остановился в превосходнейшей гостинице в Берлине...» [28, с. 206].

Другие мысли приходили в голову Н. А. Добролюбову в написанном за год до смерти стихотворении «В прусском вагоне» [29, с. 553—555]. В нем он противопоставляет «мертвую машину» и «слепую рутину» немецкой железной дороги русской тройке и родному раздолью, а также на этом примере с нескрываемой иронией рассуждает о том, что происходит с плодами западной цивилизации, перенесенными на отечественную почву:

...Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;

То обвалит насыпь,
То мосток продавит,
То на встречный поезд
Ухарски направит.

То пойдет потише,
Опоздает вволю,
За метелью станет
Сутки трое в поле.

А иной раз просто
Часика четыре
Подождет особу,
Сильную в сем мире...

Многие русские путешественники, глядя на мелькавшие за окном вагона картины ухоженных городов и сел, налаженного быта, здоровых и довольных жизнью обывателей, разумно устроенной жизни, как заметил М. Е. Салтыков-Щедрин, не могли не испытывать чувство «какой-то непобедимой неловкости». И хотя великий сатирик оговаривался, что не считает «пруссские порядки совершенными и прусского человека счастливейшим из смертных», все-таки признавался, что если удел русского — неволя и бесправие, то немца — свобода и достоинство, при этом «на стороне Эйдткунена есть одно важное преимущество, а именно: общее признание, что человеку свойственно человеческое» [13, с. 16–18].

Список литературы

1. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары : в 4 т. Пг., 1915. Т. 1.
2. Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни : в 2 т. СПб., 1910. Т. 1.
3. Некрасов Н. А. Собр. соч. : в 5 т. М. ; Л., 1930. Т. 5.
4. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами : в 15 т. СПб., 1888. Т. 8.
5. Михайлов М. Л. Из Берлина // Михайлов М. Л. Сочинения : в 3 т. М., 1958. Т. 3.
6. Лесков А. Жизнь Николая Лескова. М., 1954.
7. Морозов Н. А. Повести моей жизни : в 2 т. М., 1961. Т. 2.
8. Лядов М. Н. Из жизни партии. М., 1956.
9. Модестов В. И. Заграничные воспоминания // Исторический вестник. 1883. №2.
10. Рейсер С. А. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., 1953.
11. Боборыкин П. Д. Воспоминания : в 2 т. М., 1965. Т. 1.
12. Герцен А. И. Собр. соч. : в 9 т. М., 1955. Т. 5.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. М., 1972. Т. 14.
14. Федор Иванович Шаляпин : в 3 т. М., 1976. Т. 1.
15. Яковлева Н. По Пруссии // Европа. Иллюстрированный географический сборник. М., 1904.
16. Станиславский М. В. Германия и Россия // Исторический вестник. 1913. №2.
17. Островский А. Н. Дневники и письма. М., 1937.
18. Дневник Марии Башкирцевой. Избранные страницы. М., 1991.
19. Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М., 1993.
20. Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971.
21. Чайковский П. И. Полн. собр. соч. Литературные произведения и переписка. М., 1974. Т. 14.

22. *Брейтфрус А.Л.* Мемельская переправа конца 90-х годов. Воспоминания // Историко-революционный сборник. М., 1924. Т. 1.

23. *Воробьев В.Г.* По ту сторону прусской границы // Исторический вестник. 1906. Т. 106, №11.

24. *Сорокина Н.В.* Россия и русские глазами немцев: проблемы стереотипного восприятия // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2010. №1. С. 175–180.

25. *Оболенская С.В.* Немцы в глазах русских. XIX век: черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. №12. С. 102–116.

26. *Цивьян Т.В.* Взгляд на себя через посредника: «Себя как в зеркале я вижу...» // Славяноведение. 1997. №1. С. 9–11.

27. *Кокорев В.А.* Три вечера (Рассказы из заграничной жизни) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 231. К. 6. Д. 11.

28. *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. Литературные произведения и переписка. М., 1979. Т. 16 (б).

29. *Добролюбов Н.А.* Соч. : в 4 т. СПб., 1901. Т. 4.

**ОБЗОРЫ,
РЕЦЕНЗИИ**

О многих прекрасных людей рассказал поэт — о рыбаках и строителях, колхозниках и учителях, руководителях и священниках. Творцы, мастера, люди великой души, о которых идет речь в поэтическом повествовании Гаярия Дмитриевича Чмыхова, являются истинными героями не только своего времени, но и людьми на все времена.

И. Кузнецова

Ирина Кузнецова

(Калининград)

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В честь 65-летия образования Калининградской области вышли в свет «*Размышления о земле, ставшей мне родной*» Г. Чмыхова. Это своего рода книга памяти о тех, кто ценой своей жизни подарил России ее Балтийский регион, кто своим великим трудом не только восстановил разрушенное войной хозяйство, но и создал новую Калининградскую область.

С самых истоков этой истории начинается свое повествование Г. Чмыхов. И первым его героем стал маршал Василевский. Наверное, многие с удивлением

узнают, что он учился в семинарии, что добровольцем ушел на фронт в Первую мировую войну и уже тогда сражался на прусской земле, ставшей позднее Калининградской областью. Именно маршал Василевский блестяще завершил Восточно-Прусскую операцию. Напоминая об этом, автор своим преклонением перед полководцем, памятник которому установлен в нашем городе, призывает с благодарностью думать о маршале, помнить, что он всегда берег солдат и сумел так подготовить штурм самого укрепленного в мире города-крепости, что наши воины взяли его за четыре дня.

Среди героев, о которых рассказал Г. Чмыхов, — Степан Павлович Дадаев. В стихах, посвященных ему, чувствуется горькое сожаление автора о том, что солдат, прошагавший пол-Европы, отец шестерых детей не дожил до Победы десяти дней. А когда молодые люди назначают свидание на Нижнем пруду возле памятника Александру Маринеско, пусть вспомнят об «атаке века», и если не знают о человеке, объявленном «личным врагом фюрера», пусть возьмут в руки книгу Г. Чмыхова.

С большой теплотой и любовью написал автор о Василии Григорьевиче Леонтьеве, герое штурма Кёнигсберга, участнике возрождения края. Живой рассказ о близком человеке много говорит нам и о самом поэте, который за ежедневными делами, за обычными беседами видел скромного героя наших дней, одного из тех, кто завоевал нам право жить на этой прекрасной земле.

А после стихов, посвященных героям Великой Отечественной войны, Г. Д. Чмыхов ведет рассказ о Святейшем патриархе Московском и вся Руси Кирилле. Вчитываясь в строки, посвященные ему, я вспомнила и свою первую встречу в далеком 1984 году с архиепископом Смоленским Кириллом, который пришел в наш университет в музей И. Канга. Вспомнила митрополита Калининградского и Смоленского Кирилла, освящавшего храмы в нашей области, открывавшего в областном драматическом театре заседание Всемирного Русского народного собора, вспомнила его вдохновенную речь на площади Победы в дни празднования 50-летия великой Победы. Тогда он сказал: «У Господа нет мертвых, и те, кто отдал свою жизнь за Родину, все живы!» Другие читатели обратятся мысленным взором к иным воспоминаниям о Святейшем, но все согласятся и проникнутся уважительным и благоговейным отношением Г. Чмыхова к этому выдающемуся человеку.

Первая часть книги называется «Мои дорогие соотечественники». Это те, кто поднял завод «Янтарь», который и в настоящее время занимает достойное место в отечественной промышленности. Конечно, поэт восславил рыбацкий труд, с гордостью сказал о людях, благодаря чьему труду

Еще лет двадцать тому назад Калининград
В стране рыбацким краем величали.

Вдохновенные строки Г. Чмыхов посвятил земляку-космонавту Алексею Архиповичу Леонову. Удивительно, автор не описывает подробно первый выход человека в открытый космос, а обращает внимание на то, что «душа художника затрепетала» и «на кнопку кинокамеры рука нажала». Космонавт стремился донести до людей красоту мироздания. Выделив эту деталь, автор помогает читателям глубже понять события, столь важные для науки, для постижения Вселенной: в деяниях нашего земляка-космонавта естественно соединялась знаменитая триада «истина — красота — добро».

Из руин восстал Кафедральный собор, построенный в XIV веке, погибший в XX столетии, воспетый и оплаканный, возрожденный энергией, трудом, любовью русских реставраторов и, прежде всего, стара-

ниями Игоря Александровича Одинцова, о чьем жизненном пути от лейтенанта до полковника рассказывает Г. Чмыхов.

О многих прекрасных людях рассказал поэт — о рыбаках и строителях, колхозниках и учителях, руководителях и священниках. Творцы, мастера, люди великой души, о которых идет речь в поэтическом повествовании Гария Дмитриевича Чмыхова, являются истинными героями не только своего времени, но и людьми на все времена.

Второй раздел книги носит название «Связь времен». То, что в учебниках называется «культурным и природным наследием», под пером поэта обретает черты, знакомые и дорогие сердцу каждого калининградца. Г. Чмыхов говорит о связи времен, о том, что сближает культуры. При этом он помнит о том, что на протяжении столетий на этой земле осуществлялось культурное и политическое взаимодействие, шли войны. Пруссия под российской короной и Пруссия под властью фашизма — это прошлое, о котором необходимо знать, но «каждый здравомыслящий считает, что землям этим обратно в Пруссию уж нет пути».

Читая строки, посвященные историческим памятникам Калининграда, ясно видишь, что история нашего края — это не только восстановление предприятий и расчистка города от развалин. В первые послевоенные годы комсомольцы на воскресниках строили клубы и кинотеатры. Весной и летом по вечерам на пустырях и завалах появлялись парни и девушки с лопатами, носилками, расчищая площадки для спортивных сооружений.

И третий раздел — «Раздумья» — пронизан той же любовью к родной земле, к людям, которые вместе с автором трудятся на ней. Гарий Дмитриевич Чмыхов говорит о самом важном для него — о Родине, о Победе, о внуках и мире вокруг нас — и снова возвращается мыслью к созидателям, к нашим соотечественникам, поднявшим из руин Калининградскую область. Эта сосредоточенность на мысли о судьбе Отчизны составляет главную мысль книги.

SUMMARY

The central discussion topic of this issue is the fate and perspectives of Russian language and culture in Latvia – a concern that is somewhat universal to the rest of the post-soviet nations, too. In the first chapter, **Society: a Latvian Take**, a notable reporter from Riga, Andrey Mamykin, takes a look at the history of Russian-language media in Latvia and its reflection of the Russian community through all the stages of Latvian independence. The topic is picked up by Alexander Sytin, who discusses the results of the latest should-Russian-become-a-state-language referendum in Latvia; and by Iveta Kazhoka, a sociologist reflecting on the possible scenarios of Latvian social development. Finally, Sergey Kruk offers his detailed critique of the current integration strategy implemented by the Latvian government.

In **The Signs of History** Eugeny Petrov presents a series of archival documents helping to trace the fate of the last acting governor-general of the Great Duchy of Finland and, later, a professor of Georgetown University, Baron Serge Korff (1876 – 1924).

In **The Art of Letters**, the researchers organize a round table debate to discuss the article of Semyon Frank, *Pushkin as a Political Thinker*, first published in the beginning of the 20th century. Valery Lepakhin asserts that Pushkin is still little known as a political thinker, agreeing with Frank who pointed out that the formation of the Russian state deviated from ‘pushkin ways’ and didn’t take into account his stern criticism of Russian liberal movement. Tatiana Malchukova discusses Pushkin’s ideas on monarchy and freedom. Fyodor Tarasov identifies a religious source of Pushkin’s unique understanding of the ‘power of things’ as the foundation of political power. Viktoria Zakharova underlines the importance of Frank’s work for the history and philosophy. Tatiana Koshemchuk proves that Frank’s ideas about Pushkin’s state patriotism are still acutely resounding with modern-day Pushkin scholarship. Yuri Nikishov develops the topic of mythologizing of the poet (a discussion started by Frank) and concludes that the Pushkin concept can only be valid if it takes into account all opposing facts. Sergey Kibalnik sees Frank’s article as an attempt to break the stereotype of the ‘decembrist poet’ by offering a complicated and multifaceted picture of Pushkin’s political views.

The topic of Russian-German historical connections is one of the traditional ones for this journal, and it is further developed in Yuri Kostyashov’s *Watching Eastern Prussia from a Train* (see chapter *Russians Traveling in Europe*). Having gone through pages and pages of memoirs of the Russian intelligencia, the author of the article concludes about their specific attitude to Eastern Prussia.

The issue is concluded with the article of Irina Kuznetsova, who reviews Gariy Chmykhov poetry collection *Thinking of My New Motherland*. According to professor Kuznetsova, this book is a memorial to those who gave their lives to create the Russian Baltics as we know it today.

Об авторах

Захарова Виктория Трофимовна — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Нижний Новгород) victoriatz@rambler.ru

Кажока Ивета — аналитик центра общественной политики «Провидус» (Рига, Латвия), iveta@providus.lv

Кибальник Сергей Акимович — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург), kibalnik007@mail.ru

Костяшов Юрий Владимирович — д-р истор. наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений БФУ им. И. Канта (Калининград), kostyashov55@mail.ru

Кошемчук Татьяна Александровна — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой международной деловой лингвистики юридического факультета СПбГАУ, профессор филологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург), koshemchukt@mail.ru

Крук Сергей Иванович — д-р наук информации и коммуникации, профессор факультета коммуникации Рижского университета им. П. Страдиньша (Рига, Латвия), Sergejs.Kruks@rsu.lv

Кузнецова Ирина Сергеевна — д-р филос. наук, профессор кафедры философии БФУ им. И. Канта (Калининград), IKuznetsova@kantiana.ru

Ленахин Валерий Владимирович — д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия), lerahin@gmail.com

Мальчукова Татьяна Георгиевна — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск), medeya@psu.karelia.ru

Мамыкин Андрей — тележурналист, автор и ведущий программы «Без цензуры» (Рига, Латвия), andrejs.mamikins@gmail.com

Никишов Юрий Михайлович — д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (Тверь), yunik@tvcom.ru

Петров Евгений Вадимович — д-р истор. наук, профессор кафедры источниковедения истории России СПбГУ (Санкт-Петербург), ruotroff@gmail.com

Сытин Александр Николаевич — д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований (Москва), alexander.syтин@mail.ru

Тарасов Федор Борисович — доцент кафедры теории и истории словесности Российского православного института св. Иоанна Богослова (Москва), fbtarasov@mail.ru

About authors

Kazhoka Iveta – analyst of the Providus public policy center (Riga, Latvia), iveta@providus.lv

Kibalnik Sergey – doctor of philology, senior researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of Russian Academy of Science (St. Petersburg), kibalnik007@mail.ru

Kostyashov Yuri – doctor of history, professor of department of Foreign History and International Relations of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), kostyashov55@mail.ru

Koshemchuk Tatiana – doctor of philology, head of department of International Business Linguistics of the Faculty of Law at St Petersburg State Agrarian University; professor at the Faculty of Philology of St Petersburg State University (St. Petersburg), koshemchukt@mail.ru

Kruk Sergey – doctor of communication and information, professor of Communication department of Riga Stradiņš University (Riga, Latvia), Sergejs.Kruks@rsu.lv

Kuznetsova Irina – doctor of philosophy, professor, head of department of Philosophy and Cultural Studies of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), IKuznetsova@kantiana.ru

Lepakhin Valery – doctor of philology, professor of the Russian Philology department of Szeged University (Szeged, Hungary), lepahin@gmail.com

Malchukova Tatiana – doctor of philology, professor, head of department of Classical Philology at Petrozavodsk State University (Petrozavodsk), medeya@psu.karelia.ru

Mamykin Andrey – TV-reporter and presenter, author of the analytical program 'Uncensored' (Riga, Latvia), andrejs.mamikins@gmail.com

Nikishov Yuri – doctor of philology, professor of the History of Russian Literature department at Tver State University (Tver), yunik@tvcom.ru

Petrov Eugeny – doctor of history, professor of Historical Resources department at St Petersburg State University (St. Petersburg), pytroff@gmail.com

Sytin Alexander – doctor of history, principal researcher at the Russian Institute of Strategic Research (Moscow), alexander.sytin@mail.ru

Tarasov Fyodor – associate professor at the department of Theory and History of Literature of the Russian Orthodox University of St. John (Moscow), fbtarasov@mail.ru

Zakharova Viktoria – doctor of philology, professor, head of Russian literature department at Kozma Minin University (Nizhny Novgorod), victoriatz@rambler.ru

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2012

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексева*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 16.04.2012 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура «Book Antiqua». Ризограф. Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 7,4
Тираж 1000 экз. Заказ 103

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2012

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексева*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 16.04.2012 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура «Book Antiqua». Ризограф. Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 7,4
Тираж 1000 экз. Заказ 103

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

